

Наталья Лакота

(с)нежные
сказки

ГОСПОДИН МЕТЕЛЕЙ

Наталья Лакота

Господин Метелей

<https://litres.ru/74379449>

SelfPub; 2026

Аннотация

Граф Николас Близар – колдун в седьмом поколении. Издревле его род умел повелевать зимними ветрами, снегом и льдом. Господин Метелей – так зовут Близара в народе. А еще он похищает красавиц и предается с ними разврату в своем мрачном замке! До недавнего времени Близар был для меня всего лишь страшной сказкой, пока я не узнала, что была обещана ему в жены

Уважаемые читатели! Предлагаю вам историю по мотивам сказки братьев Гримм «Фрау Холле» – будет немного жутко, очень волшебно, и, конечно же, все закончится хорошо!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	50
Глава 5	63
Глава 6	72
Глава 7	83
Глава 8	97
Глава 9	111
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Наталья Лакота

Господин Метелей

«Колдун слов на ветер не бросает».

/народная примета/

Глава 1

- Господин Метелей живет в ледяном дворце, и повелевает ветрами. Его зовут Николас, и он седьмой граф Близар. Сила его велика, а сам он холоден, как зимний день, и грозен, как морозная ночь. Его сердце – кусок льда, и он не знает жалости... - кухарка замолчала, отмеряя муку для пирога, и мой младший брат Тиль от нетерпения запрыгал на лавке, на которой сидел. – Иногда он появляется среди людей – проносится по городам и селам в санях, запряженных парой колдовских коней, на крыльях ветров и метелей. Люди называют это Дикой Охотой... - и она снова замолчала, священнодействуя над миской с тестом, в которую только что добавила изюм и орехи.

Запахло корицей – такой привычный предновогодний запах. Запах детства, праздника, добрых воспоминаний...

- Для чего появляется Господин Метелей? – спросил Тиль с придыханием.

- Он ищет прекрасных девушек, - продолжила я страшную сказку, которую знала с детства, потому что рассказывал ее каждый, кто мог говорить, - чтобы похитить их и унести в свой замок. И там они, бедные, будет томиться, пока от слез и холода не превратятся в ледяные статуи...

- А зачем ему девушки? – воскликнул Тиль.

Кухарка фыркнула, но когда Тиль посмотрел на нее, сде-

лала вид, что занята тестом.

- Чтобы согреться их теплом, - я говорила низким, таинственным голосом. – Потому что его всегда мучает холод, это проклятое наследие рода Близаров, ведь самый первый граф Близар был черным колдуном и повелевал духами метели...

На самом деле, все знали, что Близар похищал девушек вовсе не для тепла, но знать об этом Тилью было еще рано, да и мне не полагалось. Про бедных жертв графа-колдуна рассказывали шепотом, но чего не услышишь, сидя в кухне, когда кухарка начинает вести задушевные разговоры с прачками, да еще и конюхи, пришедшие на ужин, считают себя обязанными высказаться по тому или иному поводу.

Тиль застыл, раскрыв рот, а я засмеялась и сразу раскашлялась, потому что зола попала в горло.

Да, я выгребала золу, как героиня еще одной сказки. И как в той сказке про Замарашку, у меня тоже была мачеха. Правда, сводная сестра всего одна – Мелисса, но зато был брат – Тиль, который родился всего семь зим назад, и он такой же Антонелли, как и я.

- Фани, - позвал Тиль, и голос его дрогнул, - а тебя Господин Метелей не заберет в свой дворец?

- Не беспокойся, - утешила я его, понимая, что на сегодняшний вечер страшных сказок хватит, - я же не красавица, а ему подавай только красавиц.

Но Тилья это не убедило, и он смотрел на меня с тревожным сомнением, словно определяя – способна ли я заинте-

ресовать Господина Метелей или мне и в самом деле ничего не грозит.

- Бефана! – в кухню, словно порыв ветра, влетела личная служанка моей мачехи. – Быстрее! Бросай все и беги одеваться! Пришли госпожа Рестарик с господином Роландом.

Мы с кухаркой переглянулись, и она незаметно подмигнула, а я степенно, стараясь не выказать нетерпения, отставила ведро с золой и убрала за печку метлу и совок, отряхивая перепачканные руки. Вот и все, сейчас кончится сказка о замарашке. Падчерица превратится в прекрасную принцессу, принц увезет ее далеко-далеко, а злобная мачеха останется с носом.

В своей комнатке, расположенной под самой крышей, я умылась холодной водой, чтобы не тратить время на растопку жаровни, сбросила передник, чепец и старое платье, в которых работала по дому, и надела платье из розового муслина – совсем новое, я выходила в нем всего два раза.

Ни для кого в нашем доме не было секретом, зачем госпожа Рестарик явилась к моему отцу. Конечно же, будет свадьба. Роланд поклялся мне в этом еще весной, но сначала ему надо было отправиться по делам в столицу, а потом заболел папа, и официальное предложение все откладывалось и откладывалось. Я старалась скрывать все от мачехи, опасаясь, что она будет отговаривать отца или устроит какую другую каверзу, но как можно скрыть любовь? Конечно же, госпожа Кларисса обо всем узнала, но, к моему удивлению, не

сказала ни слова. И даже слезы Мелиссы, которая проклинала меня, разлучницу, на чем свет стоит, не произвели впечатления. Но я не была разлучницей, тут Мелисса злилась зря. Роланд сказал, что он сразу влюбился – только меня увидел, а Мелиссу и не замечал вовсе.

Я вошла в комнату, где мой отец встречал гостей, когда всё главное было уже сказано. Папа сидел в кресле – еще очень бледный, но уже разговаривавший внятно, и лицо у него было усталым, но счастливым. Мачеха сидела чуть поодаль, опустил глаза и поджав губы. Значит, ей нечего сказать, и это чудесно. Матушка Роланда встретила меня любезной улыбкой, и я постаралась, чтобы реверанс получился плавным и неспешным – как танец, чтобы она оценила мои манеры. А Роланд смотрел на меня, и глаза его сияли.

- Фани, - обратился ко мне отец. – Госпожа Рестарик и ее сын пришли к нам вот по какому делу...

Как добропорядочной девице мне пришлось принять удивленный вид, а потом смущенно потупиться.

- С моей стороны никаких возражений против вашей свадьбы нет, - закончил отец. – Но я хочу узнать, что скажешь ты.

Что я скажу? Я бросила быстрый взгляд на Роланда. Неужели папа еще сомневается в моем решении?

Мне оставалось лишь ответить «да» и стать счастливой невестой, и я уже открыла рот, чтобы осчастливить и Роланда, но тут мачеха громко сказала:

- О какой свадьбе может идти речь? Бефаночка давно про-сватана...

- Кларисса! – предостерегающе воскликнул отец.

Но мачеха закончила:

- ...за графа Николаса Близара.

- Кларисса!.. – теперь уже простонал отец.

- Разве девиз дома Антонелли не «Слову верен»? – мачеха выглядела совершенно невозмутимой. – К тому же, нарушить обещание, данное колдуну... Это навлечет не только позор на оба дома, но еще и проклятье. Кто знает, как граф Близар решит отомстить?

- Да он уже давно забыл о Бефане! – взорвался отец. – Не было никакой официальной помолвки!

- Так это правда? – леди Рестарик, почтенная матушка моего Роланда, схватилась за сердце и посмотрела на меня совсем иначе, чем смотрела раньше. Теперь во взгляде ее были страх, гнев и презрение. – И вы хотели скрыть это от нас?! Хотели навлечь на нашу семью проклятье колдуна?! Мы уходим! Дорогой, мы уходим! – она вскочила, хватая Роланда за рукав.

- Матушка, постойте... - Роланд был ошарашен новостью не меньше, чем я, но он, по крайней мере, пытался все выяснить.

- Какое обещание, папа? – торопливо спросила я, надеясь, что сейчас отец засмеется и скажет, что это была глупая

шутка.

Но вместо отца ответила мачеха:

- Покойная жена моего супруга, а моя драгоценная подруга леди Стефания однажды вынуждена была обратиться к графу Близару, чтобы он оказал помощь... в одном деликатном деле, - и она бросила холодный взгляд на отца, а тот и не думал возражать, уставившись в столешницу. - Колдун помог, но не принял оплату деньгами. Он сказал, что желает получить в жены Бефану.

- Мы уходим! - заголосила леди Рестарик, почти волоча за собой Роланда.

- Все было не так! - воскликнул отец, и от этого крика я вздрогнула, потому что поняла, что это была последняя, отчаянная попытка.

- Мама! - Роланд вырвал рукав из цепких пальцев матери, вернулся и встал напротив моего отца, оперевшись ладонями о стол. - Господин Антонелли! Скажите, что все это - шутка! Жестокая, глупая шутка!

Он озвучил мои мысли, и я смотрела на отца, боясь шевельнуться. Сейчас он скажет... сейчас скажет...

- Это и была шутка, - глухо ответил отец. - После того, как граф Близар помог мне, Стефания хотела заплатить, но он ничего не взял. Сказал, что серебра у него и так достаточно, а золота гораздо больше, чем следует. Тогда Стефания спросила, чем мы можем его отблагодарить. В это время из кареты выскочила Бефана, ей тогда только исполнилось пять

лет – она расшалилась и убежала от няньки. Близар посмотрел на Бефану, рассмеялся и сказал: «Отдашь мне в жены свою дочку, когда она вырастет». После этого прошло четырнадцать лет, но он ни разу не напомнил об этом. Это была шутка, просто чтобы отвязаться от нас. Он не хотел никакой платы и не хотел Бефану.

- Разве колдуны говорят что-то просто так? – спросила мачеха холодно. – И разве когда-нибудь что-то забывают? Колдун никогда не бросает слов на ветер. Бефаночке исполняется девятнадцать через месяц, как раз в сочельник. Может, граф Близар только и ждет, когда она достигнет брачного возраста, чтобы назвать ее своей женой и графиней?

В ее устах даже такое ласковое обращение, как «Бефаночка», казалось насмешкой.

- Мы уходим, - госпожа Рестарик опять схватила Роленда и потащила прочь. Он был так огорошен рассказом отца, что даже не сопротивлялся. Дверь за ними захлопнулась, и в комнате остались только мы трое – я, отец и мачеха.

Было тихо, только потрескивал огонь в камине.

Я перебегала взглядом с расстроенного лица отца на невозмутимое лицо мачехи. Она сидела очень прямо, сложив на коленях белые, холеные руки, давно отвыкшие от работы, с видом человека, уверенного в своей правоте. И, наверное, она была права. Она отстаивала счастье своей дочери, а я была всего лишь падчерицей. И хотя мачеха говорила, что была близкой подругой моей матери, мне в это не ве-

рилось.

- Зачем ты так, Кларисса? – спросил отец с укором, в измощении откидываясь на спинку кресла.

- Я сказала правду, - отчеканила она, поправляя плед на его коленях. – Разве не этому вы учили своих детей?

- Но ты же понимаешь, что все это не имеет никакой силы!.. Никаких обязательств, просто слова!..

- Это вам граф Близар так сказал? – мачеха улыбнулась – и какая это была улыбка! Так могла бы улыбаться гадюка, которая только что нанесла смертельный укус.

- Почему вы никогда не говорили об этом раньше? – спросила я. Спросила у мачехи, не у отца. Ответ не имел значения, просто мне хотелось посмотреть ей в глаза, понять – за что она так меня ненавидит. Ведь я ничего не сделала ни ей, ни сводной сестре Мелиссе.

- Кто я такая, чтобы поверять тебе семейные тайны? – теперь мачеха смотрела на меня. Она мигала очень редко – и в самом деле, как змея. – Но разве я могла допустить, чтобы случилось непоправимое, и наша семья оказалась под угрозой из-за... малодушия твоего отца и глупости твоей матери?

- Малодушия? Глупости? – переспросила я с трудом.

Теперь на смену растерянности приходил гнев. Только что она парой фраз разрушила мою свадьбу, а теперь оскорбляет моих родителей?

- Как же назвать это иначе? Кто еще навязывается колду-

ну, если он сказал, что не хочет платы? – веско заявила мачеха. – Только глупец. Но когда дело сделано, молчит об этом только малодушный. Прошу меня простить, пойду, сообщу слугам, что праздничного ужина не будет.

Мачеха вышла, и через несколько минут я увидела в окно, что она догнала госпожу Рестарик и Роланда, и что-то объясняет им – улыбаясь совсем иначе, чем нам с отцом. Теперь ее улыбка была сладкой, извиняющейся, услужливой. Лицо госпожи Рестарик постепенно прояснилось, а вот Роланд вдруг возмущенно затряс головой и пошел по улице вверх. Что же мачеха сказала им? В отличие от Роланда, его мать не торопилась уйти, а слушала мачеху все с большим и большим вниманием.

- Папа, - позвала я, не отрывая от них глаз, - какую помощь мама просила от графа?

- Тогда были тяжелые времена, - ответил отец уклончиво, явно не желая разговаривать об этом, только я не желала больше оставаться в неведении.

- По-моему, ты должен все мне объяснить, - сказала я серьезно, отошла от окна и взяла отца за руку. – Пап, все самое страшное уже было сказано, так что молчать сейчас и в самом деле малодушно.

- Прости меня, - сказал он покаянно и вздохнул.

- Разве ты сделал что-то постыдное?

- Глупое, - отец опять вздохнул.

История и в самом деле оказалась не очень. Отец рискнул и заложил все свое состояние и дом, чтобы стать совладельцем судоходной компании. Понадобились еще деньги, но ему давали ссуды без залога, потому что Антонелли никогда не нарушают данного слова. Только в назначенный срок корабли с грузом пряностей не пришли в порт, отцу нечем было отвечать по обязательствам. Он лишился бы и дома, и сбережений, но страшнее всего был позор. Отец хотел покончить жизнь самоубийством, но мама настояла поехать к графу Близару, который был из семьи королевских колдунов и астрологов.

- Стефания умела уговаривать, - закончил рассказ отец, - к тому же, ее отец был когда-то знаком с отцом графа или что-то в этом роде. Граф дал денег, чтобы мы могли расплатиться с кредиторами – тысячу слитков серебра. Ты не поверишь! Они просто появились у нас в санях! В двух огромных сундуках! И еще он сказал, что корабли вернутся в течение недели. Два дня бушевала настоящая снежная буря, а потом все успокоилось, и в порт пришли корабли. Представляешь, Фани?! Все корабли, и груз был цел. Капитаны рассказали, что они сбились с курса, попали в шторм, мачты сломаны, и вдруг налетает ветер – ураган, со снегом! И их несет напрямиком в порт!

- Это сделал колдун? – спросила я коротко.

- Кто же еще? Про их семью говорят, что они умеют управлять зимними ветрами, а тогда зима была очень теплой, да-

же снега не было.

- И в уплату он захотел меня?

- Я же сказал, это всего лишь шутка, - воспротивился отец.

— Зачем только Кларисса...

Слушая его сетования, я опять отошла к окну. Теперь там никого не было, и пустынную улицу заметал снег – словно белый лис махал хвостом, пряча следы.

Вот уж никогда не могла бы предположить, что моя судьба как-то связана с колдуном из сказки. Да каким колдуном – самым главным и страшным в нашем королевстве. Про него рассказывали столько жутких сказок, что впору было юркнуть под одеяло и дрожать. Но я не могла юркнуть под одеяло, потому что я – не малютка Тиль. И оттого, что сейчас спрячусь, страшная сказка не растает поутру.

- ...я подам прошение королю, - говорил между тем отец.

- Нет, папа. По таким мелочам к его величеству даже обращаться не стоит. А вот написать письмо графу мы можем. Спросим, желает ли он брака с какой-то провинциальной девицей...

Мои последние слова услышала мачеха – она как раз распахнула двери.

- Письмо? – спросила она и недобро улыбнулась. – Кто же отнесет письмо в замок Близаров, детка? Ни один человек не осмелится на это.

- Мы хорошо заплатим, кто-нибудь найдется... - начал отец.

- Не найдется, - отрезала мачеха. – Я уже спросила слуг, дорогой. Даже конюх сказал, что скорее уволится, чем поедет туда.

- Есть человек, который отвезет письмо, - сказала я, стараясь оставаться спокойной, хотя сейчас все во мне клокотало от злости и ярости. – Роланд отвезет. Он не испугается ни страшных сказок, ни колдунов.

- Какая жалость, - улыбка мачехи стала особенно неприятной, - но как раз когда я вышла, то услышала, что госпожа Рестарик отправила господина Роланда в Льер, заболела его бабушка, нужен уход.

- Очень некстати... - пробормотал отец. – Но будем надеяться, что он скоро вернется и...

- Не будем ждать, - сказала я, глядя мачехе в глаза. – Я поеду к графу Близару сама. И спрошу, желает ли он исполнения обязательств.

Глава 2

- Вы и в самом деле поедете туда?! – молоденькая служанка Майса, которой мачеха поручила готовить меня к предстоящей поездке, подливала горячей воды в ванну и смотрела широко раскрытыми глазами.

Я пожала плечами, постаравшись, чтобы это выглядело небрежно – мол, подумаешь, поездка к королевскому колдуну, которым пугают детишек по всей округе.

- Ой, не знаю, не знаю... - Майса поставила кувшин и принялась намыливать мне голову. – Как послушать, что он творит с молоденькими девушками...

- Сплетни, - ответила я уверенно, но в душу закрался противный холодок.

- Какие же сплетни? – обиделась Майса. – Кузина подруги моей троюродной сестры из Феллебакки попала к нему. Говорила, у него дворец из хрусталя и драгоценных камней, и полы там серебряные, и постель – мягкая, как снежный сугроб... Откуда бы она узнала о постели, как думаете?

- Может, перины взбивала? – невинно предположила я.

Майса уставилась на меня, а потом поджала губы:

- Шутить изволите? Как по мне, так не ездили бы вы туда. Не будет ничего хорошего. У нас все говорят... - она наклонилась ко мне и прошептала на ухо: - не зря госпожа Кларисса отправляет вас туда. Избавиться хочет.

«Вот уж новость», - подумала я.

- Подождите, пока папенька поправится, - посоветовала Майса. – Пусть он к колдуну и съездит. Один раз он там уже был, да он и не девица – колдун ему ничего не сделает.

- Не болтай глупостей, - ответила я, закрывая глаза, пока служанка поливала меня водой, смывая мыло с волос. – Врачи сказали, отец нуждается в покое год, а то и больше. Никаких волнений, никаких поездок. А мне обернуться до столицы и обратно – два-три дня, не дольше.

Тем более, отцу стало хуже, и госпожа Кларисса винила во всем погоду, и бранилась на пургу, что началась с вечера. Я винила во всем мачеху, но упреки пришлось оставить при себе.

- Ах, ваши бы надежды, да зайчикам в ушки, - укоризненно сказала Майса. – Вставайте, я вас вытру.

В дорогу меня собирала мачеха, и я никогда не была разодета так пышно и красиво. На мне была легкая бархатная шубка с беличьей оторочкой, бархатные сапожки, и пуховый платок поверх меховой шапки. Мачеха и правда наряжала меня, как невесту. Она не позволила взять карету, объяснив тем, что Мелиссе следовало ехать к тете на следующей неделе, а дорога туда хуже, чем до столицы, и пришлось нанять частного извозчика.

В любое другое время я бы обрадовалась таким нарядам, потому что так и подобает одеваться девушке из рода Антонелли, тем более, моя мать была настоящей леди, дочерью

барона, но сейчас сборы все больше и больше пугали меня. Я ни секунды не верила, что страшный и ужасный граф Близар польстится на девицу из провинциального приморского городка. Скорее всего, он посмеется и тут же и отправит меня домой, но когда посмотрела на себя в зеркало...

Ах, как бы я хотела показаться в таком виде Роланду.

Ему бы понравилось и как мех воротника льнет к щеке, и как маленький сапожок кокетливо выглядывает из-под платья. Да что там! Не только наряд хорош, но и глаза неплохи, да и улыбка мила, и щеки горят, как румяные сентябрьские яблочки!

Но Роланд уехал. Я послала ему записку, но через полчаса мачеха вернула ее, сказав, что госпожа Рестарик не желала передавать письмо и посетовала на безнравственность современной молодежи, потому что для благородной девицы писать письма молодым мужчинам – верх неприличия.

Я скомкала записку и выбросила ее в печь. Едва ли Роланду сказали, что я собираюсь ехать к колдуну Близару. А если бы он узнал – то бросил бы всё? Поехал бы к колдуну? А почему не поехал сам по себе?.. чтобы потребовать от графа отказаться от меня?..

Отчего-то все перестало походить на сказку, и даже приближающийся сочельник не вызывал у меня душевного трепета. Но я намеревалась довести до конца начатое. Антонелли держат слово, и я должна поступить, как истинная Антонелли.

- Остановишься на постоялом дворе «У Рейнеке», - напутствовала меня мачеха. – Расплатись с извозчиком, не трать деньги зря, не глазей по сторонам, не броди по столице. Собралась – так делай, что надо. В конце концов, ты обязана защитить честь семьи.

С отцом и братом я попрощалась дома и уже села в сани, а Тиль махал мне, распластавшись по окну на втором этаже. Брату сказали, что я поехала в столицу, чтобы купить нарядов и конфет, и он тайком пустил слезу, отчаявшись уговорить меня взять его с собой. Я отмалчивалась, потому что считала, что пусть лучше брат плачет от разочарования, чем от страха. Мелисса попрощалась со мной сдержанно, но ни в чем больше не упрекала, и даже не выглянула в окно.

Кучер проверял сбрую, а мачеха заботливо поправляла на мне шапку, изображая перед соседями и домочадцами заботливую матушку. Я наблюдала за ней внимательно, и поняла, что она была очень довольна.

- Вы считаете, что победили? – не сдержалась я, когда она наклонилась, чтобы застегнуть медвежью полость, которой я укрыла ноги. – Граф не захочет меня, и я вернусь. И выйду замуж за Роланда.

- Удачной поездки, Бефаночка! – пожелала мачеха, словно не услышав моих слов.

Сани тронулись, и я оглянулась. Но посмотрела не на дом, где прожила столько лет, не на Тиля, а на мачеху. Она тоже смотрела на меня и улыбалась. Только гадюка могла бы так

улыбаться.

До Эшвега мы добрались за полдень, когда красное зимнее солнце уже лежало на городских крышах. Я была несколько раз в столице, но никогда - зимой. И заснеженный город показался мне красивым и уютным, как новогодняя картинка в сумерках. Удивительное дело, но здесь не чувствовалось приближение новогодних праздников. В моем городе дома уже были украшены еловыми ветками и разноцветными лентами, а мимо кондитерских лавок невозможно было пройти – такие ароматы доносились из-за приоткрытых дверей. Детвора лгнула к витринам с шоколадными конфетами, а веселые дамы и господа покупали подарки. В это время уже резали свиней, и к ароматам сладкой выпечки примешивались умопомрачительные ароматы кровяной колбасы. Свиные ножки и головы раздавались нищим – на галантины, и никто не считал убытков. Новогодние праздники принадлежали всем, и каждый в нашем городе знал – чем больше отдашь в старом году, тем больше щедрая фея Хольда принесет подарков в году новом.

Но в столице не наблюдалось веселого ожидания – хмурые люди спешили по своим делам, прикрикивая на бродячих попрошайек, а лент и праздничных огней не было и в помине. Но, возможно, в столице начинают готовиться к новому году позже, чем у нас, в провинции?..

Пару раз нам пришлось остановиться, чтобы пропустить сани богатых горожан, и я с любопытством разглядывала

важных господ в черных шубах из шкурок крота, и не менее важных дам, которые кутались в нежные меха и прятали руки в огромные муфты.

Я устала и продрогла, несмотря на медвежью полость, и мечтала поскорее оказаться в тепле, возле огня, выпить чего-нибудь горячего и съесть чего-нибудь основательного.

- Почти приехали, барышня, - сказал возница. - Сейчас повернем и... - он так резко натянул поводья, что я не удержалась и полетела вперед, оторвав петельку, крепившую медвежью шкуру к сиденью. Дорожная сумка свалилась мне под ноги и едва не раскрылась - в последний момент я успела подхватить ее.

Наперерез нам пролетели позолоченные сани, запряженные парой лошадей - одна была черная, как смоль, а вторая белая, как снег. В городе не разрешалось так быстро ездить, но тому, кто управлял санями, на королевские указы, похоже, было наплевать. Он правил лошадьми стоя, отбросив полу мехового плаща и прищелкивая кнутом. Под плащом у него был надет камзол из малиновой парчи с серебром. Вокруг саней вихрем кружились снежные хлопья, как рой белых пчел, и это казалось необычным, потому что метель почти улеглась, и ветер был совсем слабый.

Прохожие разбегались, чтобы не угодить под копыта, но никто не выказывал недовольства и не грозился пожаловаться судье.

Сани промелькнули мимо в одно мгновение, но я прекрас-

но разглядела хозяина позолоченных саней. На нем не было шапки (в такой-то мороз!), и длинные черные волосы падали на плечи. Резкий орлиный профиль, презрительно прищуренные глаза – ему и правда не было никакого дела до горожан. В санях сидела красавица, закутанная до бровей в пуховую шаль. Ее довольное, улыбающееся лицо разрумянилось, и белые зубки сверкали в улыбке.

Позолоченные сани и рой снежных пчел скрылись за поворотом – бесшумно, я готова была поклясться, что даже снег не скрипел под полозьями.

Я смотрела в ту сторону, даже когда смотреть уже было не на кого. Эта случайная и быстрая встреча привнесла ощущение волшебства, новогоднего чуда, как в детстве, когда слушаешь страшную сказку, от которой и жутко, и радостно, потому что знаешь – всё закончится хорошо.

К реальности меня вернуло бормотание возницы.

- Проклятый колдун... - он сплюнул в снег и перекрестил себе лоб, прежде чем подхлестнуть лошадей.

- Простите, - позвала я его. – Вы сказали – колдун? Кто это был?

- Близар, будь он неладен, - ответил вполголоса возница, поплотнее натягивая шапку.

Граф Близар?!

Я воскресила в памяти гордую фигуру в позолоченных санях. Почему-то мне казалось, что колдун должен быть гораздо старше... Мрачнее, страшнее, опаснее... Хотя, тот, кто

правил санями, он был совсем не юноша... В груди вдруг заглохло – и он потребовал меня в жены?.. Воображение услужливо нарисовало такую картину – это я сижу в позолоченных санях, которыми правит мужчина, одетый в меха и парчу, а снежинки роятся вокруг, покалывая щеки и губы. Мужчина натягивает вожжи, останавливает лошадей, а потом оглядывается на меня. Глаза у него сияют, как далекие зимние звезды, свет их очаровывает, дурманит, лишает воли...

Сладкий морок продолжался всего несколько секунд. Я даже помотала головой, чтобы избавиться от наваждения. Меня ждет Роланд, а граф Близар, судя по всему, ничуть не скучает без моей компании. Может... он даже женился?..

- А граф Близар женат? – осмелилась я спросить у возницы.

- Нет, барышня, - раздалось в ответ.

Что ж, это уже хуже.

- Но что за женщина сидела с ним в санях? – продолжала я расспросы, благо – мне отвечали охотно.

- Откуда ж мне знать? – удивился возница. – Он каждый день катает новую красотку. Что до вас, барышня, так вы бы поменьше про него говорили, а думать и вовсе забыли. Колдовство – штука опасная. С ним заигрывать нельзя.

- И не собиралась заигрывать, - заверила я его и больше ни о чем не спрашивала.

Но перестать говорить – это легче, чем перестать думать.

Неужели, правда, что Близар соблазняет молоденьких девушек? И как тогда он поступит со мной? Но если мой дед был знаком с его отцом...

Сани остановились возле «Рейнеке» - небольшого постоялого двора, где я еще ни разу не бывала. Раньше, когда мы с отцом приезжали в столицу, то всегда останавливались в «Холлерихе» - самой шикарной гостинице города. Но мачеха решила сэкономить, к тому же, сказала она, одинокой юной девушке не следует привлекать к себе внимания, тем более что девушка собирается навеститься к колдуну.

Здесь я была с ней согласна – чем меньше обо мне будут знать, тем лучше. Переночую в гостинице, где меня никто не видел и больше не увидит, наутро схожу к колдуну, заручусь распиской, что он не настаивает на браке – и вернусь домой.

- Серебряная монета с вас, барышня, - сказал возница, оборачиваясь через плечо и протягивая руку ладонью вверх.

- Конечно, благодарю за приятную дорогу, - улыбнулась я ему и хотела достать деньги из поясного кошелька, но кошелька на поясе не оказалось.

Наверное, я уронила его, когда сани резко остановились, пропуская Близара.

- Одну минуту, - попросила я, обшаривая дно саней.

Я даже заглянула в сумку, хотя прекрасно помнила, что привязывала кошелек к поясу...

- Что-то случилось? – спросил возница, и от его любезности не осталось и следа. – Серебряную монету за проезд, ба-

рышня!

К счастью, серебряная «счастливая» монетка была припрятана у меня среди вещей. На ней была изображена добрая фея Хольда, я уже не помнила, как такая редкая монета оказалась у меня, но хранила ее с самого детства. И вот теперь...

Возница уже терял терпение, когда я положила ему на ладонь монетку с Хольдой, стараясь не выглядеть слишком опечаленной.

- Еще раз благодарю за поездку, - сказала я, вылезая из саней и забирая сумку.

- Всего доброго, - проворчал возница, пряча монетку и присвистнув на лошадей, чтобы трогали.

Я зашла в гостиницу, где в главном зале и в самом деле было совсем немного людей. Два подвыпивших старика сидели за кружками пива, мужчина дремлет в углу, надвинув на глаза шапку, и хозяйка – дородная высокая дама с тяжелыми серьгами и не менее тяжелым взглядом.

Судя по этому взгляду, я сразу попала в число благонадежных посетителей, и мне предложили пройти к камину, где жарко трещали поленья.

- Горячего вина с пряностями? – услужливо спросила хозяйка. – Бобовой похлебки с мясом?

При мысли о таких вкусностях у меня закружилась голова, но я поблагодарила и попросила сначала разрешения согреться.

- Грейтесь, - ответила хозяйка, дернув плечом, но взгляд

сразу изменился.

Она с недовольством следила за мной, пока я перебирала содержимое сумки и в который раз ощупывала пояс. Но кошелек не было!

Кусая губы, я старалась припомнить, где могла потерять его. А что если... а что если это мачеха отцепила кошелек, когда застегивала медвежью полость? Ей было легко это сделать – всего-то потянуть вязки, а я смотрела в окно и ничего не замечала, прощаясь с Тилем.

Но зачем отправлять меня без денег в столицу?! Здесь нет ни родственников, ни знакомых... Конечно, из подлости. Решила отомстить даже такой мелочью... Я потерла лоб и вздохнула, и сразу же рядом со мной оказалась хозяйка гостиницы.

- Не надумали покушать, красавица? – спросила она учтиво. – Вы останетесь на ночь? Приготовить комнату?

Я оглянулась на остальных посетителей, но на нас никто не обращал внимания, поэтому я сказала тихо и доверительно:

- Прошу прощения, дорогая госпожа, но со мной произошла огромная неприятность... Я приехала из Любека в столицу всего на день и в дороге потеряла кошелек... Не согласитесь ли вы подождать с оплатой, моя семья сразу оплатит расходы, как только я вернусь...

Ах, отношение ко мне сразу изменилось. Не помогли и бархатные сапожки с бархатной шубкой. Ни на какую от-

срочку хозяйка гостиницы не была согласна и даже отказалась кормить меня в долг. Никаких Антонелли она знать не знала, и знать не хотела, и не желала даже взять мои вещи в залог.

- Откуда я знаю – может вы их украли?! – выдала она совершенно чудовищную догадку, и я покраснела от негодования, а старики оторвались от пива и с любопытством посмотрели в нашу сторону.

- Не кричите, пожалуйста, - попросила я женщину. – Разве я похожа на... воровку?

- Если бы все воры были похожи на воров, - заявила она, - нам, простым людям, жилось бы очень хорошо. Нечем платить – идите восвояси.

- Но ведь почти ночь, я никого не знаю...

- У меня не странноприимный дом, - отрезала она.

- Позвольте тогда, я найму извозчика, - сказала я. – Если вы отказываете мне в ночлеге, мне надо вернуться домой сегодня же.

- Извозчика? – изумилась хозяйка. – Да кто же поедет до Любека или куда там вам надо в ночь? Зимой? И городские ворота скоро закроют. Раньше утра никто и с места не стронется, можете мне поверить.

Час от часу не легче. Я поняла, что пропажа кошелька была вовсе не досадной неприятностью, а настоящей бедой. Неужели, мачеха именно на это и рассчитывала?.. Мне было стыдно подозревать ее в таком коварстве, но кто еще мог

быть к этому причастен?

- Вы уходите? – ледяным тоном осведомилась хозяйка гостиной.

- Подскажите, как пройти к замку графа Близара? – спросила я.

Оставалось надеяться, что колдун окажется милосерднее этой дородной женщины и ссудит мне несколько серебряных монет.

Она шарахнулась от меня, как от чумной и спросила, сурово щуря глаза:

- Вы про колдуна, барышня?

Мне оставалось только кивнуть.

- Так его замок не в городе, - сказала она нелюбезно. – Он живет на холме, по дороге направо от города. Там миля будет, если не больше. Но туда точно возчики не поедут.

- Совсем никто? – спросила я растерянно.

- Да кто спятил, чтобы к колдуну соваться?

- Ну зачем к ночи про нечисть?.. – забормотал один из стариков, прихлебывая из кружки.

Его товарищ был, видимо, не против подобных разговоров, потому что сразу же запел песню про красотку Изабелл. Красотка влюбилась в колдуна, сбежала с ним из родительского дома, а он убил ее, чтобы сделать зелье бессмертия из ее крови. Красотка прокляла колдуна, и с тех пор он обречен жить вечно и не знать покоя. Я помнила эту песню наизусть, потому что ее исполняли на каждом празднике в на-

зиданье влюбчивым девицам, но в столице куплеты пелись
немного по-другому. Красотку звали Изабелл Колвин, и она
была первая красавица королевства, дочка барона Колвина.

*- Всяк бы влюбился,
Как взглянул!
Ей стан
Расшитый шёлк стянул, -*

горланил старик, пристукивая в такт кружкой:

*- И брошь фамильная горит,
Приколота на грудь,
А граф Близар вдруг говорит:
«Моей навеки будь».*

- Замолчи, Йенс! – гаркнула на старика хозяйка. – Сколько
раз просить – не надо к ночи о покойниках!

- Что ты так орешь, - засмеялся в ответ старик Йенс, но
петь перестал. - Принеси-ка нам еще пива...

- Сейчас, - отозвалась хозяйка и сердито спросила, обраща-
ясь уже ко мне: - Так вы уходите, барышня?

- Уже ночь, не гоните меня, пожалуйста, - тихо попросила
я. - Можно я переночую здесь? У камина?

- И место у камина стоит денег, - отрезала хозяйка. – А на дворе еще не ночь, только-только начало темнеть. Если поторопитесь, то успеете дойти до своего колдуна.

Она ушла нацедить пива, а я продолжала сидеть у камина, протягивая к огню руки, хотя уже согрелась. Как же мне быть? Умолять, чтобы разрешили остаться?.. Я покосилась на посетителей – двое пьяны, третий... уж очень похож на разбойника.

Мужчина, до этого дремавший в углу, приподнял шляпу, и я поспешно уставилась в огонь, надеясь, что на меня не обратят внимания. Но мужчина выбрался из угла и подошел прямо ко мне.

- Послушайте, барышня, - шепнул он, наклонившись, - вам не следует идти в замок колдуна, да еще ночью. Скоро такая метель начнется – о-го-го!.. В трех кустах заплутаете! А волки? А бродяги? Есть отличная комната – там тепло, и постель хорошая. И я вас накормлю...

Я подняла голову, удивленная и обрадованная такой добротой, но что-то в лице благодетеля заставило насторожиться. Он был трезв – во всяком случае, говорил четко, и пивом от него не пахло, но глаза странно блестели.

- ...конечно, я вам не дам столько серебра, как колдун, - продолжал он, - но на дорогу до Любека хватит.

- Благодарю, - ответила я осторожно. – Скажите ваше имя, господин, чтобы моя семья знала, кому вернуть долг? Моя семья гордится тем, что всегда возвращает долги.

- Ну что вы, разве я стану брать деньги за помощь такой малышке? – улыбнулся он, показав выбитый передний зуб, и похлопал меня по плечу – вроде бы дружески, но рука его задержалась на моем плече.

Это было неприятно, и я мягко отстранилась, чтобы не обидеть мужчину. Все-таки он предложил помочь... Правда, как-то непонятно предложил...

В это время вернулась хозяйка гостиницы, держа две кружки с пивом, и сразу заворчала:

- Опять ты за свое, Юрек. Жена узнает – снова зубов не досчитаешься.

- Да как она узнает, если ты не скажешь, - засмеялся Юрек, опять взяв меня за плечо. – А барышне надо помочь...

- Помогальщик, - презрительно бросила хозяйка. – Как по мне, лучше идти за серебром к колдуну – он и даст больше, и покрасивее тебя будет. Красивых всегда целовать приятнее, чем образин, Юрек, вроде тебя.

Но он даже не обиделся:

- Так к колдуну ведь еще идти и идти, а я - вот он, рядом!

И в этот момент я поняла.

- Нет, спасибо! - я вскочила так стремительно, что опрокинула лавку, на которой сидела. Юрек потерял равновесие и чуть не упал, а я схватила свою сумку и бросилась вон из гостиницы.

Глава 3

Пробежав пару улиц на одном дыхании, я немного пришла в себя. Господи, как стыдно! Но неужели не стыдно предлагать такое юной девушке?! А эта ужасная женщина? Ее даже не шокировало такое поведение! И слова про колдуна...

Я задрожала, но не от холода, а от страха и омерзения. И город внезапно представился мне ловушкой, а моя красивая бархатная шубка - приманкой всем бедам. Замедлив шаг, я мучительно раздумывала, что делать. Проситься в другую гостиницу? Найти церковь и молить о помощи? Или... идти к колдуну, пока и правда не настала ночь? Но это неприлично – переночевать в доме мужчины...

А не на это ли рассчитывала моя мачеха?

Я остановилась, пораженная внезапной догадкой. Учитывая репутацию графа Близара, и моей репутации придет конец, стоит мне провести ночь в замке. Но Роланд... разве же он поверит сплетникам?.. Нет, никогда не поверит. В этом я была уверена.

Но я все же предприняла последнюю попытку найти ночлег в городе. В моей сумке оказалась еще плетеная коробка, полная кулечков со специями и ароматическими травами – кухарка положила, как подарок для графа. Она считала, что некрасиво приезжать в гости с пустыми руками, да еще

накануне нового года. Я сильно сомневалась, что осмелюсь предложить господину колдуну мешочки с перцем и гвоздикой, но не стала отказываться – вес все равно невелик. И вот теперь я попыталась продать специи, стучась по очереди во все лавки.

Меня ждало разочарование – никто не хотел ничего покупать, и пару раз мне пригрозили, что торгуя пряностями без лицензии я могу заработать нешуточный штраф, если не тюремное заключение. На мои объяснения, что нашей семье разрешена такая торговля, никто не обращал внимания, и двери захлопывались одна за другой.

Солнце спряталось за крыши, вдоль улиц потянулись фонарики и бродяги, и я поняла, что тянуть дальше было попросту опасно.

К городским воротам я успела минута в минуту – стражники уже готовились опускать решетку. Они удивились, когда я пожелала выйти и даже любезно попытались отговорить меня, пугая начинающейся метелью.

- Отец ждет меня за воротами, - сказала я как можно небрежнее и стараясь выглядеть уверенно, - возле холма, где замок Близаров. Это мне надо свернуть направо?

- Да, по этой дороге, не ошибетесь... - Стражники переглянулись и больше не приставали с расспросами.

Я закинула на плечо сумку и смело зашагала по накатанной санной дороге, в темноту.

Идти по колее было не очень удобно, потому что стоило

оступиться – и провалишься по колено в рыхлый снег. Мороз усилился, и ветер тоже. Что ж! Миля – это не очень долго. Да и пройти мимо холма было невозможно – потому что на вершине его горели огоньки – окна замка, наверное. Эти огоньки придавали мне сил и смелости, и я бодро прошагала до середины пути.

Здесь же решимость моя поубавилась. Теперь я едва брела, засунув руки в рукава. Мне было совсем не холодно, даже жарко, только ноги мерзли, потому что мои бархатные сапожки сразу же раскисли и порвались на носках. Я расплосовала перочинным ножичком шаль и перетянула их, но это плохо помогало. Преодолев две трети подъема, ноги мои стали каменными, а пальцев я почти не чувствовала. Хотелось посидеть, а еще лучше – полежать, но я боялась останавливаться, потому что слышала, как опасна бывает зима, и некоторые, присев на пять минут, оставались отдыхать навсегда.

Поземка заметала меня уже до колена, а в свисте ветра мне слышался презрительный смех. Наверное, так будет смеяться колдун, когда увидит меня – лохматую, замерзшую, и даже бархатная шуба не добавит лоска.

Наконец, я добралась до вершины.

Замок Близаров манил огнями, но выглядел угрожающе – мрачная, черная глыба, обвитая сухими плетями плюща. Нет, это был замок не на холме, это был замок в скале – он был высечен прямо в сером граните, и обработан только с

фасада. Как будто кто-то огромный пытался вылезти из пасти костлявого чудовища. Замок не был огорожен, и вокруг не росло ни одного дерева – просто снежная пустыня, ровная, как на ладони.

Отец сказал, мы приезжали сюда. Я прекрасно помнила поездку в Эшвег, когда мне было пять лет, но вот этот мрачный замок в моей памяти не сохранился.

Высокое крыльцо вело к арочным двустворчатым дверям, и такими же были окна – по два с каждой стороны. Над дверями красовалась огромная каменная «роза» - круглое окно с шестью «лепестками». Стекла были темными, но по ту сторону метались оранжевые сполохи огня.

Я ускорила шаг, чтобы побыстрее оказаться в тепле, спастись от пронизывающего холода. Поскользнувшись на ступенях, едва не скатилась вниз, но все же преодолела лестницу, сгибаясь от хлестких ударов ветра, и приникла к двери, обшаривая ее в поисках кольца. Но дверь была гладкая, обитая металлическими полосами – ни ручки, ни слухового окна, ничего...

Но в замке были люди...

Теплый рыжий свет нижних окон превратил морозные узоры на стеклах в золотистые цветы. Стройные тени грациозно двигались, словно под музыку – наверное, у хозяина замка праздник, собрались гости, прекрасные дамы танцуют с галантными кавалерами... Я посмотрела на свои башмаки с оторванными подошвами и только вздохнула. Ну что ж, я

ведь приехала не для того, чтобы поразить графа красотой и богатством. Наоборот – чем непригляднее буду выглядеть, тем лучше.

Глубоко вздохнув, я постучала.

Прошла минута, а мне никто не открывал. Стройные тени продолжали метаться по ту сторону окон, а ветер набросился на меня с новой силой. Я принялась стучать изо всех сил, отбивая кулаки, но замок оставался глух.

- Пожалуйста! Впустите! – крикнула я, без особой надежды, что буду услышана.

Вьюга налетела на меня так яростно, будто собиралась обглодать до костей. Глаза совсем запорошило снегом, а ветер выл, как живой, набрасываясь то справа, то слева. Я припала к дверям, боясь, что если ступлю в сторону, то свалюсь в сугроб и уже не встану. Неужели мне суждено замерзнуть здесь, в этом страшном и пустынном месте? В ночи, совершенно одной...

Дверь распахнулась так резко, что я не удержалась и почти упала за порог. Чья-то сильная рука подхватила меня, уберегая от падения. Дверь за моей спиной захлопнулась, и вой ветра остался снаружи, а я оказалась в замке колдуна. И здесь было тихо, как в склепе. А где же музыка?.. Праздник?.. Танцующие пары?..

Откинув капюшон, я огляделась, но мало что увидела.

Было темно, и только свеча, в руках мужчины давала немного света – красноватого, тусклого.

- Благодарю, - пробормотала я, освобождаясь от железной хватки – мужчина все еще держал меня повыше локтя. – Простите, что я так поздно... Мне необходимо видеть графа Близара...

- Зачем? – спросил мужчина, понимая свечу, чтобы рассмотреть меня получше.

Голос был звучный, низкий и немного насмешливый.

- Не светите в лицо, пожалуйста, - попросила я, закрываясь ладонью.

- Зачем вам граф? – спросил он, и не думая убирать свечу.

- Это я скажу только ему самому, - ответила я твердо, понимая, как жалко выгляжу – запорошенная снегом, с выбившимися из-под шапки прядями, с мешком-сумкой за плечами и в драных башмаках.

- Считайте, что я - граф, - сказал мужчина лениво. – Слушаю вас.

Я ответила не сразу, подождав, пока глаза привыкли к свету, а когда разглядела того, с кем разговаривала – невольно отступила на два шага.

Да, это был тот самый нарядный мужчина, которого я видела в позолоченных санях, с красавицей. Но сейчас на нем была простая белая рубашка, вязки на горловине не затянуты, и грудь оголена – ужасно неприлично. Зато глаза сияли совсем как в моем наваждении – словно далёкие и холодные звёзды. Я засмотрелась в них, позабыв о времени и о том, что замерзла, и что мечтала поскорее оказаться у горячего очага.

Нет, граф Близар был далеко не юношей. Его лицо утратило нежность и смазливость молодости, а глубокая морщина между бровями придавала насмешливо-горькое выражение, что свойственно только людям, знающим жизнь давно и совсем не с радостной стороны. Но волосы были черными, как вороново крыло, ни единого седого волоска - они беспорядочно падали ему на плечи, а на концах завивались в кольца.

Прошло пятнадцать лет... Сколько же ему было тогда?.. И сколько сейчас?..

Был ли он красив? О, несомненно... Гораздо красивее всех мужчин, что я встречала, и даже красивее Роланда... Но дело было не в одной красоте. Несомненно, колдовство оставило на нем свой отпечаток – это чувствовалось в глубине взгляда, и в холодном, чуть отстраненном выражении лица...

Сколько же ему лет?..

- Забыли, что хотели просить? – напомнил мужчина, устав ждать, когда я заговорю.

Очнувшись, я почувствовала себя глупо и строго спросила, кашлянув для солидности:

- Граф Близар самолично открывает двери, презрев слуг? В это трудно поверить, – я старалась держаться с холодным безразличием, как и он. Пусть сейчас я выгляжу, как нищенка, но тем более важно продемонстрировать манеры.

- У графа Близара нет слуг, - ответил он. – Так зачем вы здесь?

- Разрешите даме сначала хотя бы отогреться?

Он помолчал, и я как будто свои мысли поняла его желание тут же выставить меня вон. Но потом он хмыкнул и указал рукой куда-то в темноту, приглашая меня идти первой.

Я пошла наугад, шаря ногами, и почти сразу уперлась в стену.

- Поверните ручку, - посоветовал мужчина за моей спиной.

Нашарив дверную ручку, я открыла двери и очутилась – хвала небесам! – в комнате, где горел камин. Ничего больше не замечая, я проковыляла к огню и присела на корточки, протягивая руки к языкам пламени, которые весело прыгали по березовым поленьям.

- Грейтесь. Дама, - сказал мужчина насмешливо.

- Меня зовут Бефана Антонелли.

Как и следовало ожидать, мое имя ему ничего не говорило. Он промолчал, а я оглядела пустой запыленный зал с голыми, без штор, окнами, и спросила:

- А где ваши гости?

- Какие гости?

- У вас кто-то танцевал...

- Здесь? – спросил он саркастично.

- Я видела... - но я тут же прикусила губу.

Конечно, это было колдовство. Ты в доме колдуна, Фани, не забывай. Тут все не так, как в обычном мире.

- Значит, ты – Бефана Антонелли, и тебе нужен граф Бли-

зар, - напомнил мужчина, поставив свечу на стол и усаживаясь в старое продавленное кресло. – Зачем?

- Вы и правда – граф? – спросила я, оттягивая момент истины.

Почему-то мне стало невероятно трудно говорить об обязательстве пятнадцатилетней давности. Возможно, меня оскорбило внезапное пренебрежительное «ты», а может, все дело было в свете далеких звезд. Потому что сколько не пленяйся звездным сиянием, достичь его ты не сможешь. Но с этим ужасно трудно смириться...

Я вздрогнула: что за странные мысли?..

- Сомневаешься? – поддел мужчина. - Предоставить тебе церковные записи о моем рождении и отпечаток большого пальца?

Он насмеялся надо мной, и я почувствовала себя совсем неудобно в этом негостеприимном доме, рядом с красивым, язвительным мужчиной. Пожалуй, это было еще хуже, чем оказаться под вечер одной в незнакомом городе. Глубоко вздохнув, я произнесла, отвернувшись к камину:

- Я должна выйти за вас замуж через месяц...

Неудачное начало! Я поняла это еще раньше, чем граф раскатисто засмеялся.

- Ну что ж, очень любезно было с твоей стороны сообщить мне об этом заранее, - сказал он нарочито вежливо, когда закончил хохотать. – Больше ты мне ничего не должна? - и добавил невпопад: - Какая замарашка...

От этих оскорбительных слов я загорелась еще жарче поленьев в камине.

- Я – не замарашка! – вскочив, я повернулась к нему лицом. – Просто долго шла, потому что никто не соглашается ехать к вам! Мое имя – Бефана Антонелли! Пятнадцать лет назад вы сказали моим родителям, что возьмете меня в жены, когда я вырасту. Я пришла требовать расторжения обязательств! Я не желаю вас в мужья!

Дверь скрипнула, приоткрываясь, и раздался нежный женский голос:

- Что за крики, Николас? Мне долго тебя ждать?

В зал вошла женщина – та самая, красавица из саней. Но сейчас на ней не было ни шали, ни шубы, и даже платья не было, а только лишь длинная полупрозрачная ночная рубашка, не скрывавшая ни одной линии изящного тела. Распущенные светлые волосы лежали волной, и красавица отбросила прядь, упавшую на лоб.

- Кто это? – спросила она, заметив меня.

Спросила без любопытства и тени ревности, как будто появление девицы в такой час было обыденным делом.

- Бефана Антонелли пришла, чтобы сообщить, что я обещал на ней жениться через месяц, - охотно объяснил граф.

- Жениться? – уточнила красавица.

- Через месяц, - подтвердил он.

Звонкий женский смех раскатился под темными сводами, и я униженно сгорбилась, потому что одно дело – быть осме-

янной колдуном, и совсем другое – его прекрасной возлюбленной в присутствии колдуна. А то, что они были возлюбленными, не догадалось бы только бревно.

- Это надолго? – спросила красавица, обращаясь к графу, словно вместо меня у камина стояла соломенная кукла.

- Понятия не имею, - ответил Близар ей в тон.

- Тогда я не стану ждать, поеду домой, - она гибко прошла к креслу и поцеловала Близара прямо в губы – без малейшего стеснения.

Ее распущенные волосы скрыли их обоих, и я почувствовала себя отчаянно лишней. Конечно же, он не собирался на мне жениться, отец был прав. Но удовлетворения от этого откровения я не испытала. Наоборот – разочарование. Свет звезд и в самом деле был слишком далек. Недостигаем. Я попыталась возмутиться этому: какое разочарование?! Ведь все складывается, как надо. Колдуну я не нужна, он откажется от меня и...

- Возьми Сияваршана, - сказал граф Близар, прервав поцелуй. – Он тебя довезет.

«У графа Близара нет слуг», - повторила я про себя и мысленно обозвала колдуна вруном.

- Ты такой заботливый, - проворковала женщина и еще раз поцеловала его. Да как поцеловала! Я не представляла, что можно целоваться вот так... так бесстыдно... словно выпивая чужое дыхание...

Я быстро повернулась к камину, чтобы не наблюдать ин-

тимную сцену, и не оглянувшись, даже когда раздались легкие шаги, и скрипнула дверь. Это означало, что мы с Близаром остались одни.

- Еще одна охотница за моим серебром... - протянул он.

- Да мне ничего не надо от вас! – бросила я гневно через плечо. – Оставьте свое серебро при себе! Только скажите, что не собираетесь жениться.

Я ждала, что он опять рассмеется и отправит на все четыре стороны, но колдун почему-то молчал, разглядывая меня, как диговинку.

- Бефана Антонелли? – переспросил он, наконец.

Кивнув, я с достоинством извлекла из рукава платок и промокнула нос, стараясь сделать это поизящнее, но ничего не вышло, потому что я оглушительно чихнула, и это разом уничтожило образ благородной девушки с изысканными манерами.

- Что-то не припомню тебя, - сказал Близар, подождав, пока я вытерла лицо и убрала платок.

- Мой отец – торговец пряностями, - поспешно объяснила я, путаясь в словах и страшаясь его пристального взгляда. Что такого интересного он во мне вдруг обнаружил? – Он занимал у вас деньги, когда не мог оплатить счета. Мы приезжали сюда – я, отец и моя мать... ее отец был знакомым вашего отца... вы заняли денег, а потом сказали, что желаете меня в жены... когда я вырасту.

- Имя твоей матери? – спросил он неожиданно требова-

тельно.

- Стефания Антонелли, в девичестве – Тесситоре. Мне было пять лет и вы...

- Что за лютый бред? – он вскочил, и от его насмешливого спокойствия не осталось и следа. – И ты решила, что я говорил всерьез?

- Разве колдуны бросают слова на ветер? – ввернула я фразочку мачехи. – У меня есть жених, господин Близар, и если вы не желаете меня в жены...

- Конечно, не желаю.

- Значит, я свободна?

- Как ветер в поле.

Это было именно то, на что я рассчитывала.

- Напишите об этом расписку, - я перешла на деловой тон и даже оглянулась в поисках перьев и чернильницы, но в зале ничего подобного не было. – Напишите расписку, что отказываетесь от меня, поставьте подпись и печать – все, как полагается. И еще, пожалуйста, дайте пару монет на обратную дорогу и сапоги. Мне придется остановиться в гостинице, а там...

Но колдун перебил меня:

- Антонелли совсем до ручки дошел? – процедил он сквозь зубы. – Ничем не могу помочь. Мне надоело заниматься благотворительностью в отношении твоей семейки.

- Мы все вернем, - сказала я с достоинством. – Просто в дороге я... потеряла кошелек. Вам нечего бояться, дела моего

отца сейчас идут хорошо, и Антонелли всегда верны слову.

- Не обсуждается, - отрезал он, думая, как мне показалось, о чем-то другом. — Обещаниями корми кого другого.

Отчаянье придало мне смелости, и я выпалила:

- Хорошо, тогда я отработаю!

Колдун посмотрел на меня так, словно я предложила ему пиявку на закуску.

- Ты меня точно не заинтересуешь, - сказал он преувеличенно-вежливо.

Я покраснела от такого откровенного намека, но постаралась держаться твердо:

- А я вам себя и не предлагаю. У меня есть жених, если помните. Но вы сказали, у вас нет слуг, поэтому я могу убрать в зале. Вы заплатите мне пять монет серебром, дадите новые сапоги, - я посмотрела на свои разорванные бархатные сапожки, перетянутые обрывками шали. — И мы расстанемся навсегда. Договорились?

Он заколебался. Быстро взглянул на меня, потом оглядел пыльный зал.

- Хочешь сказать, ты сильна в уборке?

- У меня много талантов,- ответила я, сделав неопределенный жест рукой. Ему не надо знать, что этот талант с особым упорством оттачивался моей мачехой. Хорошо то, что сейчас ее школа сыграет мне добрую службу.

Колдун заколебался, и я пошла в наступление, добавив вкрадчиво:

- Еще я умею варить отличный кофе. Если ваше сиятельство предпочитает на завтрак кофе, а не какое-нибудь зелье из пупырчатых жаб...

Наверное, в зале было полно щелей, потому что сквозняки так и гуляли – мне в лицо вдруг дунул холодный, колючий ветер, бросив в глаза пригоршню сухого снега. Я зажмурилась, и сразу же раздалось шипение, как будто на уголья вылили ведро воды, а Близар пробормотал ругательство сквозь зубы.

Проморгавшись, я обнаружила, что нахожусь в абсолютной темноте – вдруг погасли и свеча, и огонь в камине. Судя по шороху, доносившемуся с той стороны, где находился стол, колдун искал свечу.

- Ты пожалеешь, мерзкая баба, - услышала я его злой шепот и совсем перетрусилась. – Где же проклятое кресало?..

- Недостойно графу так оскорблять девушку, - сказала я, и голос мой прозвучал до противного жалобно. – Я ничего вам не сделала, это вы поступили неразумно тогда, пятнадцать лет назад... Это вы... И я вовсе не баба... Тем более – мерзкая...

- Пять серебряных монет и сапоги - за уборку и кофе, - сказал он из темноты очень спокойно, как будто только что не угрожал мне.

- Деньги, сапоги и расписка, - быстро напомнила я, сразу забыв обиды.

- И расписка, да, - согласился он.

Раздалось чирканье, посыпались красные и желтые искры, а потом затеплился огонек свечи.

Я увидела резкий профиль Близара, освещенный пламенем, спутанные волосы упали на лоб. Колдун был похож на хищную птицу, заметившую жертву. Только кто был этой жертвой? Неужели, я?..

- Ты ничего не слышишь? – спросил вдруг он.

Замерев, я прислушалась. В замке было тихо, только с моей оттаявшей шубы на каменный пол звонко шлепались капли. Помолчав, я осторожно спросила:

- Что я должна услышать?

Граф медленно повернул голову и посмотрел на меня. И опять я подумала о свете недосягаемых зимних звезд, глядя ему в глаза. Прошла минута, вторая... Я неловко переступила с ноги на ногу, и насквозь промокшие сапоги противно чавкнули.

- Ничего. Показалось, - сказал Близар, понимая свечу, а я подхватила сумку. - Пойдем, покажу, где будешь спать. Комната отличная, и постель хорошая...

Услышав эти слова – точь-в-точь, что говорил противный Юрек в гостинице «Рейнеке», я остановилась, как вкопанная.

- Простите, милорд... - сказала я, не двигаясь с места.

- Что еще? – он спросил это с раздражением и немного устало.

Мне было стыдно, и я едва смогла произнести:

- Могу я быть уверена... в вашей добропорядочности...
- Можешь, - сказал он коротко.
- Могу ли я верить вам...
- Тебе достаточно посмотреть на себя в зеркало, - сказал

он жестко.

Слова были, как пощечина, но разве не на это я надеялась?..

- Не отставай, - позвал Близар. - Этот дом не любит гостей.
- Он говорил так, словно замок был живой.

Глава 4

- Если не возражаете, я бы хотела сначала поесть, - сказала я в спину колдуну, когда он начал подниматься по лестнице. – Я целый день провела в дороге...

- Хорошо, - сказал он безо всякого выражения и обернулся.

Я не сразу поняла, почему он стоит передо мной, держа свечу, а потом поспешила отступить в сторону, давая ему дорогу, и чувствуя себя желторотым цыпленком, попавшим в лисью нору.

Кухня находилась на первом этаже, и мы прошли туда узким извилистым коридором. Пол был неровным – то поднимался на пару ступеней, то опускался на пять. На одной стене висело круглое зеркало, и едва не шарахнулась, увидев свое отражение, подумав сначала о призраках. Боже, на кого похожа! Я торопливо сняла шапку и попыталась пригладить растрепанные волосы, но Близар уходил все дальше, и я не посмела задерживаться – побежала за ним. Он остановился так резко, что я налетела на него, ударившись лицом ему между лопаток.

- Простите, - забормотала я, но он даже не стал слушать, а распахнул двери и жестом пригласил меня пройти вперед. Это была странная кухня. Да полноте – кухня ли вообще?! Здесь было очень чисто – удивительно чисто. Ни следов

сажи, ни дров со щепками, ни крошек, ни закопченных котелков. Медная посуда сияла, а вместо печи была каменная плита – длинная, узкая. Как же ее топят?..

И здесь было холодно.

- Возьми молоко и хлеб, - велел Близар, указывая на кувшин, накрытый фарфоровой крышкой, и на плетеную чашку, прикрытую полотенцем.

- Благодарю, - я осторожно положила шапку на высокий табурет, а сумку – на пол, ополоснула руки под серебряным умывальником (тоже начищенным до блеска), и налила молока в высокий хрустальный бокал. Было странно пить обыкновенное молоко из такого бокала, да еще под пристальным взглядом такого хозяина.

- Вы не хотите поесть со мной? – спросила я тихо.

Спросила только из вежливости, прекрасно понимая, что он не сядет со мной за один стол никогда в жизни. И точно – он только покачал головой, продолжая держать свечу.

Хотя я и была очень голодна, мне кусок не лез в горло под пристальным взглядом графа Близара. Я поспешила закончить с поздним ужином поскорее. Допила молоко, дожевала хлеб, едва не поперхнувшись, и встала, нерешительно оглядываясь в поисках таза для мытья посуды.

- Оставь, - колдун махнул в сторону стола, и я не посмела послушаться.

Забрав шапку и сумку, я засеменила за хозяином замка. Мы опять прошли извилистым коридором, а потом приня-

лись подниматься по лестнице. Я насчитала четыре пролета, но когда посмотрела вниз через перила – голова закружилась.

Все в этом месте было неправильным и странным – как будто я смотрела на все через льдышку. Стены были разной высоты, ступеньки были тоже разные – повыше и пониже, пошире и поуже, везде висели зеркала – но не как им полагается висеть, а криво, отчего казалось, что стены качаются и вот-вот рухнут.

Несколько раз я оступалась, когда лестница коварно заворачивала в темноту, и хваталась за перила, с замиранием сердца глядя вниз. Еще я видела темные коридоры и двери – много дверей, расположенных рядом. Там такие узкие комнаты?!.. Причем одна дверь была локтей пять в высоту, а другая – только-только пройти согнувшись. Еще я заметила боковую лестницу, упиравшуюся... в потолок. Зачем она здесь?.. Были еще странности – окна из коридоров в комнаты, витражи, не вставленные в окна, а висящие на цепях посреди коридора...

- Какой удивительный дом, - сказала я, не осмеливаясь назвать его «странным». А он был именно таким – странным, настоящим обиталищем колдуна, когда не знаешь, что ждет тебя за дверью, или кто может заглянуть в окно. Как будто я попала из реального мира в совершенно другой – страшный, живущий по своим, непонятным законам...

И в самом деле, какая-то жуткая сказка. Очень хотелось

надеяться на счастливый конец, но не очень-то в него верилось.

Граф промолчал, и я больше ни о чем не спрашивала.

Мы прошли по широкому коридору почти до конца, и там Близар толкнул ладонью одну из дверей.

- Переночуешь здесь, из комнаты не выходи.

Ему не надо было говорить об этом – я все равно не осмелилась бы блуждать по замку колдуна одна. В спальню я заходила с опаской, ожидая таких же странностей, но комната оказалась самой обычной, очень уютной, красивой и человеческой... Никаких окон, кроме окна, выходящего на улицу, дверь одна и обыкновенного размера...

Я вошла, и колдун шагнул следом.

Мне стало жарко в одно мгновение – я впервые оказалась в спальне с мужчиной. Только одного этого хватит, чтобы потерять репутацию навсегда, а учитывая, что говорят о Близаре...

Он сделал еще шаг, и я шарахнулась, прижимая к груди сумку, будто она могла меня защитить, и тут же почувствовала себя глупо – колдун и не думал нападать, а только зажег свечу в подсвечнике на столе, а потом вышел и закрыл дверь. Я метнулась к порогу, испугавшись, что буду заперта, но дверь легко подалась. Близар уходил по коридору, не оглядываясь, и свеча отражалась в окнах, ведущих в соседние комнаты.

С облегчением переведя дух, я заперла дверь изнутри и

осмотрелась.

Спальня показалась мне еще уютнее, когда я обнаружила смежную комнату со всем, что нужно девице. Серебряный таз и кувшины для умывания, в красивой шкатулке - щетка для волос, черепаховый гребень, перламутровая коробочка с толченым мелом и круглое зеркальце на длинной ручке. На мягком пуфике были сложены полотенце и шелковая ночная рубашка – с рюшами и кружевами, такую носить только принцессе. Я не сразу осмелилась ее взять, но больше не во что было переодеться.

Возле кровати стояла жаровня, полная горячих углей, и мне оставалось только подбросить несколько щепочек, чтобы по комнате поплыли душистые теплые волны.

Нежная ткань рубашки словно ласкала кожу, и я даже замурлыкала песенку, умываясь и расчесывая спутанные волосы. Я заплела косу и как могла почистила свою одежду.

Что ж, все сложилось не самым худшим образом. Еще немного усилий, Фани, и ты навсегда избавишься от колдуна, и его мрачный дом станет просто уютковатым воспоминанием.

Постель была мягкой, как снежный сугроб, но теплой. Простыни пахли лавандой, и этот запах так и навевал сон. К тому же, я слишком устала, слишком переволновалась, поэтому, несмотря на страхи, уснула быстро, даже не успев дочитать молитву на сон грядущим.

Конечно же, после таких злоключений мне не мог не при-

сниться странный сон. Я опять брела по заснеженной дороге, проваливаясь в сугробы и закрывая лицо от колючего ветра. Была метель, и снежинки резали мне щеки, как крохотные осколки стекла. Я шла в замок колдуна и очень торопилась – скорее, скорее, получу расписку и вернусь домой, к отцу, к Тилу, к Роланду...

Была метель, но солнце сияло, и в его свете я увидела колдуна Близара, и сразу поняла, что он – сердце метели. Колдун был в бледно-красном парчовом камзоле, в распахнутом меховом плаще и без шапки. Он делал руками таинственные пассы, и метель слушалась его движений, как живая. Снежинки роились вокруг него, как белые пчелы, и летели, куда он им приказывал. Черные волосы Близара развевались, и хотя я была совсем рядом, он не замечал меня. Я хотела крикнуть, позвать на помощь, но ветер набросился на меня с новой силой, и я упала в сугроб, провалившись по плечи.

От бессилия и отчаяния я заплакала, но тут мои пальцы нащупали в рассыпчатом снегу что-то маленькое, круглое и твердое. Это была монетка с Хольдой! Та самая, которой мне пришлось расплатиться с возницей! Но теперь чеканное изображение феи вдруг начало двигаться – Хольда кивнула и улыбнулась мне, как будто подбадривая.

Ее улыбка придала мне сил, и я поползла на четвереньках, закрывая от ветра лицо. Близар оказался совсем рядом, и я обняла его колени, ища защиты. Метель вдруг перестала свирепствовать, ветер утих, а колдун помог мне подняться,

поддерживая меня необыкновенно бережно, поглаживая по голове, утешая.

Он укутал меня полой своего плаща, и стало тепло, даже жарко. Я положила голову колдуну на грудь, понимая, что все страхи и испытания остались позади, и теперь меня ждет только солнце – ослепительное, ясное солнце! Близар наклонился, почти коснувшись губами моих губ – словно спрашивая разрешения на поцелуй, а потом я услышала его тихий голос: «Будь моей, Бефана».

Одного этого хватило, чтобы я проснулась, тут же открыв глаза.

Чего только не приснится!

Я села в постели и обнаружила, что проспала дольше, чем думала. Утренний свет уже проникал сквозь неплотно задернутые шторы, сейчас часов десять, верно...

Десять!..

Я вскочила, чтобы побыстрее одеться. Дома я всегда становилась пятками на холодный пол, но сейчас ноги по щиколотку утонули в пушистом ворсе ковра. Да, в замке Близара ковры лежали даже на полу – неслыханная роскошь!

- Ранним птишкам – сытный завтрак, - замурлыкала я песенку, которую любила напевать по утрам моя покойная матушка, - остальным – сухарь с водою, - и замолчала, замерев на месте.

У порога стояли два добротных сапожка – вовсе не бархатные, кожаные, но крепкие и как раз мне по ноге. Я на-

тянула чулки и примерила – сапоги пришлись впору, будто шились на меня. Вечером их точно не было, я готова была поклясться.

На всякий случай я подергала двери, проверяя – заперто ли. Но дверь была заперта, а другого входа в комнату я не обнаружила. В ночной рубашке, с неприбранными волосами, но в сапожках, я уселась на постель, мрачно уставившись в стену. Нет, сапоги – это хорошо, но совсем не хорошо, что господин колдун приходил ночью. Сказать ему об этом, как увижу? А если он рассердится и откажется писать расписку?

В отвратительном расположении духа я отправилась в ванную комнату – заниматься утренними делами, но думы насчет колдуна не оставляли меня ни на секунду. Возмутиться, как подобает благородной и добропорядочной девушке? Или промолчать, получить то, что мне нужно, и уйти?

Гордость боролась с благоразумием, и неизвестно, что бы победило, но в это время кто-то постучал – громко и требовательно.

- Эй! Антонелли! Вставай! – услышала я голос Близара и вздрогнула.

В считанные секунды я натянула платье и отодвинула за-
сов, приоткрыв дверь ровно на две ладони.

За порогом позевывал в кулак господин колдун - в бархатном синем халате, открывающем голую грудь. Граф был лохматый со сна – как медведь, но его это, похоже, ничуть не заботило. А я была втайне горда, что предстала перед ним

уже аккуратно причесанной, с убранными в косу и заколотыми шпильками волосами.

- Еще спишь? – спросил он, когда я выглянула. – А кто собирался заработать серебро? Пошли, провожу тебя вниз.

Я тут же вышла, уже открыв рот, чтобы высказать свое недовольство по поводу ночного вторжения, но колдун зашагал по коридору, даже не озаботившись оглянуться – он был уверен, что я иду следом за ним, послушная, как дрессированная обезьянка.

Я закусила губу, сдерживая язвительные слова, и пошла за ним – мне и правда больше ничего не оставалось. Ведь это я зависела от него, а не наоборот.

В дневном свете дом выглядел уже не таким пугающим, но все равно странным. Пока мы шли до лестницы, я заглядывала через окна в комнаты. Некоторые комнаты были обставлены богато и красиво. Здесь были танцевальный зал, комната для музицирования, и, вроде бы, библиотека – мне показалось, я разглядела в полутьме полки с книгами. Но были и другие комнаты – темные, пыльные, с обветшавшей мебелью и полуоборванными шторами.

Мы спустились на четыре пролета и оказались прямо напротив арочной двери. Слева была кухня, это я запомнила.

Оставленные мною вчера бокал и кувшин исчезли, кухня по-прежнему сияла чистотой, а на столе стояли чашки и миски с яйцами, копченым беконом, сыром и свежим хлебом.

Отдельно стояла крохотная меленка, а рядом с ней лежал полотняный мешочек, распространявший бодрящий аромат обжаренных кофейных зерен.

- Подождите четверть часа, и я сварю вам отличный кофе, - сказала я чинно, закатав рукава и подходя к раковине.

- Вперед, - сказал он, зевнул и уселся за стол, подперев голову.

Он следил за мной с таким же любопытством, с каким я только что рассматривала его дом. Вот только не понятно, что его заинтересовало во мне. Насыпав в меленку зерен, я с силой закрутила ручкой. Не прошло и пяти минут, как кофе был смолот, а я, взяв кофейник, в нерешительности остановилась перед плитой-печью.

- Простите, я не знаю, как затопить эту печь, - сказала я, запинаясь.

Не говоря ни слова, он подошел к колесу сбоку плиты и повернул его на пол оборота. Вскоре я почувствовала тепло, а потом и увидела, как от плиты пошел еле заметный дымок – там, где я уронила кофейную крошку.

- Чудеса... - только и смогла произнести я, посмотрев на колдуна.

Тот приподнял брови с таким скучающим видом, словно я была провинциалкой оказавшейся на центральной площади, и вздумала восторгаться тем, что увидела жонглера.

Что ж, пусть думает обо мне, как ему пожелается. Это его сиятельство привычен к колдовству, а мне такое в новинку.

Как и любому нормальному человеку. Стараясь не слишком злиться (а то кофе выкипит), я плеснула в ковшик молока и отмерила ложечкой кофе. Не прошло и трех минут, как кофе вскипел, нагреваемый волшебной плитой, и я поставила кофейник на специальную подставку и торжественно водрузила на стол, перед хозяином замка.

- Если хотите, приготовлю и завтрак, - сказала я, решив быть доброй до конца и поставив перед колдуном фарфоровую чашечку.

- Обойдусь, - сказал он, наливая кофе и продолжая на меня поглядывать.

- Тогда прошу меня простить, я приготовлю что-нибудь для себя, - я поклонилась коротко, как заправская прислуга. – Моя матушка говорила, что для дамы самое главное – позавтракать с утра, это улучшает цвет лица и преуменьшает количество желчи в печени.

Бог мой, что за чепуху я говорила! Но мне было не по себе под пристальным взглядом, и я старалась хотя бы бессмысленной болтовней сгладить невежливое молчание графа Близара. Глаза у него были синие – только сейчас я разглядела это в неверном свете зимнего утра. Это красиво и необычно – синие глаза. Синие, прозрачные... как лед.

- Готовь, - сказал колдун, не сделав ни глотка. – Только не поджарься, дама. А потом начинай уборку в зале, если хочешь получить пять талеров.

Было жестоко все время напоминать мне об этих деньгах,

но я промолчала, хотя достало бы ответить что-нибудь презрительно-холодное, показать, что не только снежные колдуны умеют бросаться колкостями.

Но я промолчала, а Близар поднялся, запахнул халат и ушел, показав мне в сторону зала, где вчера вечером я обогревалась у камина.

- Какие мы... ледяные, - сказала я презрительно, когда он, разумеется, уже не мог меня услышать.

На всякий случай я приготовила две порции жареных яиц с беконом и гренок с сыром, но колдун больше не появлялся. Я с аппетитом позавтракала, выпила кофе со сливками, которые обнаружила в фарфоровом молочнике, и отправилась сражаться с пылью и грязью графского замка.

Возле камина меня поджидало ведро, метла и куча тряпок. Что ж, пора применить науку мачехи себе на пользу. Ведь мачеха считала, что главное для благородной девицы – не спасовать перед жизненными невзгодами, буде такие случатся с ней завтра или послезавтра. Самое интересное, что она почему-то была твердо уверена, что невзгоды будут ожидать только меня, а Мелиссу обойдут стороной, поэтому пока я выгребала золу из каминов, Мелисса пила чай с пирожными, а когда я была занята весьма нужным для внучки барона занятием – приготовлением еды или мытьем полов, Мелисса благополучно отправлялась в гости к подругам или отдыхала в гостиной, почитывая любовный роман, украденный у гувернантки Тиля.

Вооружившись тряпкой, я первым делом смахнула пыль с мебели. Каминная полка, столешница, подлокотники кресел... Наконец я добралась до огромного зеркала в углу. Вопреки обычаям этого дома, зеркало висело на стене ровно, не искажая пространство. Я провела по нему тряпкой, снимая толстый слой пыли, и оно тут же хрустально засияло, отразив камин, кресло, статуэтку ангелочка и меня...

Но нет... не меня...

Из зеркальной глади смотрело совсем чужое лицо.

Бледное, с застывшим взглядом... Белые волосы шевелятся, как полосы тумана...

Это была девушка... Примерно, одного со мною возраста...

Я разглядела даже жемчужное ожерелье в два ряда и серьгу-подвеску, полускрытую кокетливо завитым локоном. Но ее глаза... Пустые, без блеска, мертвые...

Отшатнувшись от зеркала, я зажала рот рукой, сдерживая крик. Сделала назад шаг, другой, а потом опрометью бросилась вон из зала.

Глава 5

Никогда еще мне не приводилось видеть призраков. И это оказалось страшно, очень страшно! Сердце колотилось, как безумное, а дыхания не хватало, и я только разевала рот, как рыба, выброшенная на берег.

Не знаю, куда бы я побежала, но оказавшись в коридоре попала прямо в объятия колдуна.

Собственно, не в объятия – обнимать меня он не собирался, но я врзалась в него на бегу, и ему ничего не оставалось, как обхватить меня за плечи.

- Что случилось?! – встревожено спросил он.

В любое другое время я не позволила бы себе подобной вольности, но сейчас, прижалась к нему всем телом, стуча зубами. Я не могла произнести ни слова, и только почувствовала, как тяжелая мужская ладонь легла мне на затылок, поглаживая, утешая, совсем как в моем сне.

- А ты вовсе не замарашка, - услышала я голос колдуна – непривычно мягкий, бархатистый. – Миленькая... и грудки очень даже ничего.

Возмущение мгновенно прогнало страх, и я отскочила от графа, гневно и строго глядя ему в лицо. Он лицемерно вскинул брови – словно не понимая, что произошло.

- Вы что себе позволяете? – сказала я сухо и зло. – Я кто, по-вашему?

- Кто? – переспросил он с вежливой насмешкой.

- Я – Бефана Антонелли, извольте относиться ко мне уважительно!

- Прости, - он развел руками. – Как я помню, это ты бросилась мне на шею. Мне показалось, тебя что-то испугало. Или ты это намеренно?

Призрак!

Я почувствовала слабость в коленях и вынуждена была опереться на подставку для тростей, чтобы не упасть.

- Да, я видела... призрака...

- Призрака? – Близар выглядел искренне удивленным.

- В зеркале, - начала объяснять я, заплетаясь языком. – Девушку... Девушку с жемчужным ожерельем...

- Пойдем, посмотрим, что там за призрак, - сказал колдун сдержанно.

Он зашел в зал, и я – сперва помедлив – поторопилась зайти за ним. Остаться одной было страшнее.

Колдун приблизился к зеркалу и довольно долго его изучал.

- Я ничего не вижу, - сказал он, наконец. - А ты?

Подойдя бочком, я заставила себя взглянуть в хрустальную глубину. Зеркало показало мне кресло, амурчика, каминную полку и... меня.

- Теперь никого нет... - пробормотала я, понимая, что в очередной раз выставила себя дурачком.

- Значит, призрак? – повторил Близар и начал паясничать,

приставив ладони ко рту и поворачиваясь в разные стороны: – Призрак, где ты? Ау! Выходи! – он проверил углы и даже заглянул под стол. – И здесь нет, представляешь? – объявил он с нарочитым удивлением.

Я смотрела на него исподлобья, испытывая огромное желание сказать, что человеку его положения и возраста не подобает глупо шутить. Человеку его возраста... А сколько ему лет?

Но Близару, похоже, и самому надоело дурачиться.

- Или ты таким образом хочешь увильнуть от работы? – спросил он меня уже совсем другим тоном – холодным, высокомерным.

- Нет, - покачала я головой. – Кстати, спасибо за сапоги.

- Не стоит благодарности, - отозвался он. - Это была предоплата. Надеюсь, ты меня не обманешь. Да, Антонелли? Кстати, если не выполнишь, что обещала – денег не получишь.

Кровь бросилась мне в лицо:

- Девиз нашего дома...

- Повторяй свой девиз про себя, когда будешь здесь убирать, - перебил он. – И не кричи больше на весь дом. Здесь чтут тишину и спокойствие. Заруби себе это на носу.

- Но я не... - хотела я оправдаться, но он уже вышел.

Я не кричала! В сердцах я схватила тряпку и начала оттирать это проклятое зеркало. Но никакие видения меня больше не беспокоили, и постепенно пережитый страх забылся,

уступив место злости и решительности. Вскоре я была уверена, что бледное отражение мне почудилось. В этом мрачном месте еще и не такое привидится.

Но я – не кричала! Да я даже не пискнула!

Вытерев пыль с зеркала, подлокотников кресел и каминной полки, я не поленилась залезть на стул, чтобы протереть крышку и циферблат старинных часов. Часы были презабавные – с гирьками в виде гномьих голов. Гномы гримасничали, высовывая языки и хитро прищуривая глаза, отчего так и хотелось щелкнуть их по круглым вздернутым носам.

Стрелки показывали уже три четверти одиннадцатого, и я решила поспешить, чтобы успеть вернуться в Эшвег до сумерек. Переночую в гостинце (в «Холлерохе», конечно же, а не в этой тараканьей забегаловке «Рейнеке»), а утром найму извозчика и отправлюсь домой. Пожалуй, у меня даже останется немного денег, чтобы купить Тилию конфет. Вот он обрадуется!

Часы начали бить, и я машинально считала удары.

Один... два... десять... одиннадцать... двенадцать...

Двенадцать?

Я посмотрела на стрелки – они обе указывали точно вверх. Разве я провозилась так долго? Надо работать побыстрее. Часы опять начали бить, и после третьего удара я уставилась на циферблат.

Бомм!.. Бомм!.. десять... одиннадцать... двенадцать...

Да, стрелки опять указывали на двенадцать.

- Бедненькие, да вас, видно, давно никто не заводил, - сказала я, обращаясь к часам.

Я подтянула гирьки, забралась на стул и отвела стрелки на полчаса назад – по моему мнению, сейчас должно было быть около половины двенадцатого, не больше.

Довольная собой, я вернулась к зеркалу и обнаружила, что тряпка, которую я оставляла на полке, исчезла. Что такое? Оглянувшись, я обнаружила тряпку распяленной на спинке стула.

Может, я повесила ее здесь и не заметила?

Забрав тряпку, я снова занялась зеркалом, оттирая серебристую поверхность и резную раму. На раме были вырезаны такие же лукавые гномы, и я намучилась, выковыривая пыль из их длинных бород.

Бомм!.. Бомм!.. – опять начали бить часы.

Определенно, они были испорчены – как могли стрелки так быстро пробежать полкруга? Все верно – и гирьки тоже ушли в противовес до упора. Я подошла подтянуть их заново, чтобы проверить свою догадку, а вернувшись к зеркалу, опять не обнаружила тряпки.

На этот раз она нашлась на каминной полке, свернутая в жгут и повешенная на шею голенького амурчика.

Я довольно долго смотрела и на амурчика, и на летающую тряпку, испытывая суеверный ужас. Может, мне ничего и не привиделось?.. Испуганно оглянувшись на зеркало, я обна-

ружила только собственное отражение – рот приоткрыт, глаза испуганно расширены, и стала противна сама себе.

Фу! Конечно же, это проделки колдуна, чтобы помешать мне закончить уборку. Наверное, только и ждет, что я опять примчусь к нему, дрожа от страха. Неплохие грудки!.. Вот так невежа!

Вспоминая его непристойные слова, я покраснела. Никогда еще со мной не говорили так неуважительно. А значит надо постараться поскорее покинуть это ужасное место.

- Иди-ка сюда, - сказала я тряпке и сняла ее с ангелочка, - теперь я не выпущу тебя из рук, милочка, и не надейся.

Часы били еще дважды, но я не обращала на них внимания. Тряпка вела себя смирно, и вскоре я выполоскала ее и повесила на распялочку в кухне, а сама взялась за метлу, погнав гору пыли и мусора от стены к порогу.

Сразу видно, что уборка в этом доме не в чести – метла была новенькая, беленькая, с тщательно отполированной рукояткой, даже не потемневшей от использования, и сама метелка была сделана из какой-то незнакомой мне белой травы, похожей на ковыль – пушистая, мягкая, одно удовольствие подметать такой.

Собрав сор в одну кучу, я отправилась в кухню за совком и ведром для мусора, а когда вернулась, то не нашла метлы, хотя прекрасно помнила, что оставила ее возле порога.

Оглядевшись, я обнаружила беглянку в углу, возле зеркала, и решительно пересекла комнату, схватив белую рукоят-

ку прежде, чем кое-кому захочется отправить метлу побродить еще куда-нибудь. Но когда я вернулась, совок преспокойно лежал на каминной полке возле амурчика. Это было уже слишком.

- Если это такие шутки, милорд, - сказала я в потолок, - то извольте их прекратить! Не смешно!

Я взяла совок и уже хотела собрать мусор, но тут метла, как живая, вырвалась из моей руки и засеменила обратно к зеркалу, мелко перебирая ножками-травинками.

Бросив совок, я попыталась ее поймать, но всякий раз, когда я готова была схватить белую рукоятку, метла успевала извернуться и отбежать шагов на пять. После четвертой безуспешной попытки, когда я остановилась посреди комнаты, тяжело дыша и уперев кулаки в бока, метла сделала мне акkuratненький книксен, разделив метелку на две «ножки».

- Вы еще и издеваетесь? – попеняла я ей. – Идите-ка сюда, госпожа моя, я не собираюсь гоняться за вами до вечера!

Но негодница решила позабавиться на славу. Я бегала за ней вокруг кресел и стола, бранилась и грозила проредить, но толку не было никакого.

Когда метла заплясала передо мной тарантеллу, я призвала себя к спокойствию. Что бы ни выдумал Близар, с ума ему меня не свести. Глубоко вздохнув, я приподняла подол платья и сделала книксен.

- Не будете ли вы столь любезны, - сказала я очень вежливо, - помочь мне закончить уборку. Понимаю, что вам скуч-

но и хочется развлечься, но поймите и вы бедную девушку, которой очень хочется поскорее попасть домой.

Метла прекратила пляску, покачала палкой туда-сюда, а потом вприпрыжку приблизилась, и я с облегчением схватила ее.

- Вот так-то лучше, - сказала я, подбирая поскорее совок, пока и ему не вздумалось исполнить павану или ригодон. – Ваша мохнатая милость не должна капризничать. Каждому суждено в этом мире своё. Колдуну – колдовать, метле – подметать.

Мне послышался чей-то тихий смешок позади, и я немедленно оглянулась, но никого не увидела. В зале я находилась совершенно одна, и даже дверь была плотно закрыта.

Покачав головой, я решила больше не обращать внимания на странности этого дома. Собрав мусор в ведро, я понесла его в кухню. Обычно мусор сжигали в печи, но в Близаровском замке даже печь была необычной, и я не нашла, где она открывается. Поразмыслив, я поставила ведро в уголке и приступила к мытью пола. Часы в очередной раз пробили двенадцать, когда я закончила работу и осталась очень довольна.

Теперь зал так и сверкал! Неплохо было бы выколотить от пыли шторы, но я не смогла бы добраться до гардин без лестницы – так высоки были стены. Стекла сплошь покрывали морозные узоры, похожие на серебристые витражи, и это придавало залу праздничный, новогодний вид.

Теперь я могла рассчитывать на серебро и расписку. Но не успела я ополоснуть руки, как кто-то постучал в двери замка. Сразу стало тихо, даже часы перестали щелкать маятником, хотя сам маятник продолжал двигаться.

Стук повторился, а я не знала, что делать. Может, подождать, и хозяин спустится и откроет? Но Близар не показывался, а стук становился все громче, все настойчивее.

Вчера я точно так же стучала в эти двери, умоляя впустить. А теперь там кто-то другой – такой же, как я, возможно, замерзает...

Не выпуская из рук метлу, чтобы снова не убежала, я подошла к двери и потянула дверное кольцо.

Створка подалась туго, со скрипом, но дверь открылась, и на пороге – словно волшебная фея – возникла юная девушка. Солнце светило ей в спину, подсвечивая выбившиеся из-под шапки кудряшки, и волосы казались золотыми. Хорошенькое личико, раскрасневшееся от мороза, вытянулось, когда девушка увидела меня.

Некоторое время мы молча разглядывали друг друга – одинаково изумленные. Я – потому что это была совсем не та красавица, что вчера покинула этот замок, а она...

- Мне необходимо видеть графа Близара, - повторила девушка ту же фразу, что говорила вчера я. – Извольте его позвать, милочка.

Глава 6

Девушка потеснила меня, проходя в замок, и сняла белые рукавички, отряхивая ими снег с отворотов шубки.

- Что же вы стоите? – спросила она с некоторым раздражением. – Закройте рот и позовите графа. Мне назначено на сегодня. И поторопитесь, я не привыкла долго ждать.

Я перевела взгляд на метлу. Несомненно, девушка приняла меня за прислугу. От этого стало стыдно и неловко. Но пока я придумывала, что ответить, раздался голос графа Близара:

- Аделаида?

Мы с девушкой одновременно обернулись к лестнице, и что касается меня – я потеряла дар речи.

Граф спускался по лестнице, легко касаясь одной рукой перил, а в другой держал... свежую алую розу. Тонкий аромат тут же заполнил весь этаж, повеяло летом, очарованием теплого сумеречного вечера... Граф сменил халат на белоснежную рубашку и черный приталенный камзол, густо вышитый серебряной нитью. Причесанная волосок к волоску густая шевелюра спадала на плечи, как львиная грива, а выражение лица было самым благожелательным, радушным... Он ждал эту гостью, не было сомнений – ждал.

- Аделаида Голлыштайн к вашим услугам, - радостно отозвалась девушка и поклонилась, приветствуя колдуна.

- Это я – к вашим услугам, - ответил Близар галантно, сбегая по ступеням и протягивая девушке цветок. – Позвольте поцеловать ваши пальчики...

Конечно же, она позволила, и тут же уткнулась носом в алые лепестки.

- Свежая роза посреди зимы! – восхитилась госпожа Голлыштайн, закатывая глаза. – Настоящее чудо!

- Вы, наверное, продрогли и устали, - продолжал граф свою галантную игру, - прошу вас пройти к камину, согреться.

- Это было бы великолепно, - признала она, скромно опустив ресницы. – И я бы не отказалась от чашки шоколада, если вы позволите...

- Чашка шоколада – и самые вкусные сахарные булочки, которые только можно вообразить, - подхватил граф, помогая гостье снять шапку и шубку.

Он повесил шубу на крючок, даже не глядя, и отточенным движением забросил шапку на вешалку, а потом предложил руку девушке, предлагая подняться по лестнице.

- Здесь так мило! – защebetала красотка Аделаида, проводя розой по своей румяной щеке.

- Наверху вам понравится еще больше, - пообещал граф и бросил мне через плечо: - Принеси шоколад и булочки на второй этаж, третья комната слева.

Сказано это было с таким пренебрежением, что я чуть не огрела его метлой, но мохнатая предательница, угадав мои

намерения, вырвалась и умчалась в кухню.

Граф даже глазом не моргнул, а Аделаида ничего не заметила, глядя на него и лепеча, что безмерна счастлива оказаться здесь.

- Вообще-то я хотела бы получить... - начала я сердито, но колдун перебил меня.

- Расписку, я помню, - сказал он и взглядом указал в сторону кухни.

Я развернулась сжимая кулаки и стискивая зубы. Нет, в кухню я отправилась по своей воле, безо всякого колдовства. Оставалось только надеяться, что появление очередной красавицы не слишком отдалит получение того, что мне причитается.

Шоколад и булочки!

Чтобы приготовить их, нужно час, не меньше!

Я закипала, как вода в чайнике, открывая двери кухни, и только захлопала глазами, обнаружив на столе серебряный поднос, на котором стояла чашка дымящегося шоколада и блюдец с двумя нежнейшими, горячими еще булочками, посыпанными сахарной пудрой.

Это приготовил сам граф? Или...

Я взяла поднос и покорно поплелась на второй этаж.

Или все это приготовили таинственный слуга графа? Сия... О! Какое сложное и незапоминающееся имя! Сия... Может, это он?

На втором этаже я отсчитала третью дверь по левую руку

и несмело открыла ее, заглядывая с опаской.

Комната была залита светом – солнце так и лилось сквозь разрисованные морозом инеистые узоры на стеклах... Огромный пестрый ковер посередине, клавесин светлого дерева... Граф Близар играет на клавесине, с улыбкой посматривая на Аделаиду, а та, бросает ему кокетливые взгляды, поставив локти на крышку музыкального инструмента и поднося к губам алую розу.

Они не обратили на меня ни малейшего внимания, увлеченные друг другом. Я поставила поднос на круглый столик возле клавесина и остановилась, дожидаясь, когда граф соизволит вспомнить об обещании.

Мне не пришлось ждать долго – девица первая посмотрела на меня недовольно, а потом и граф прекратил игру.

- Ваш шоколад, Аделаида, - сказал он. – Давайте сядем в кресла, так будет удобнее. А ты, - он помахал пальцами в мою сторону, - можешь идти.

- Но расписка... - напредила я.

Теперь Аделаида посмотрела на меня с откровенным раздражением:

- Какая у вас настырная служанка! Позвольте, я с ней потолкую. Моя матушка знает, как ставить на место этих невежественных простолюдинов, а я у нее многому научилась, - и она требовательно спросила: - Как вас зовут, милочка?

Я растеряннo перевела взгляд на Близара. Он тоже смотрел на меня и чуть заметно усмехался.

- Простите, - пробормотала я и бросилась бежать.

Не хватало еще назвать этой девице свое имя, чтобы потом об Антонелли сплетничали все, кому ни лень.

Бежать мне было некуда – я спряталась в кухне, переживая свой позор, и только всплакнув и обругав шепотом графа всеми известными мне ругательствами, немного успокоилась.

Не известно, сколько эти голубки будут ворковать, а я проголодалась. Обыскав кухню, я нашла чечевицу и кровяные колбаски, несколько клубней репы и вилок свежей капусты. Что ж! Всегда приятнее, когда в желудке – вкусная похлебка. Я засучила рукава и принялась варить вкуснейший капустный суп. Через полчаса восхитительные ароматы наполнили кухню, и вскоре я с удовольствием пообедала, настраивая себя на предстоящий разговор с графом. Пусть отдаст мне деньги и напишет расписку, а потом милуется со своей Аделаидой, сколько угодно. Какая распушенность – заявиться к мужчине в замок одной!

Но я тут же присмирела, напомнив себе, что и я явилась сюда без сопровождения. Да еще и провела ночь одна в доме, с мужчиной.

Сколько же прошло времени? Час? Два?

Походив по кухне туда-сюда, я выглянула в коридор и прислушалась.

Голоса графа и Аделаиды доносились со второго этажа, но говорили так тихо, что я не разобрала ни слова. Понятно

было только, что граф уговаривает, а Аделаида отказывается – но так заливисто смеется при этом, что я тут же разгадала ее отказ, как кокетство.

Потом голоса зазвучали приглушенно, а потом и вовсе затихли...

Я прокралась до самой лестницы, но теперь в замке была гробовая тишина.

Что же там происходит?

Я поставила ногу на ступеньку, и чуть не вскрикнула, потому что мне наперерез выметнулась метла и преградила мне путь, недвусмысленно покачивая деревяшкой

- Поняла я, поняла... - пробормотала я и вернулась в кухню.

Прошло еще около часа – время тянулось уныло, даже часы перестали отбивать двенадцать, и наконец раздались голоса колдуна и его гости.

Я не осмелилась выйти к ним. Остановилась в полумраке коридора, чтобы наблюдать незамеченной.

Они спускались вместе, Аделаида держала Близара под руку. Девушка разругалась, глаза блеснули, только прическа была растрепанной – прядки падали на лоб и нежную шею. А на шее... алели пятна.

«Это от поцелуев!» - я едва не ахнула, но вовремя спохватилась и прижалась к стене, чтобы не выдать себя.

Аделаида ластилась к графу, заглядывая ему в глаза, и заливалась, как соловей:

- Надеюсь, вам было приятно мое общество...

- Весьма, - проворчал граф.

Его вид был безупречен, а вот от прежней галантности не осталось и следа. Он даже не подал госпоже Голлыштайн шубу. Бедняжке Аделаиде пришлось справляться самой. Она накинула шубу, но не застегнула.

- Могу я надеяться, господин граф... - залепетала она, пытаясь достать шапку.

- Можете, надейтесь, - ответил он с таким отвращением, что даже меня это покорило.

Но Аделаида не обиделась. Она подпрыгнула, стаскивая шапку, надела ее, повязывая сверху шалью, и выглядела так, словно с ней произошло или должно было произойти нечто очень приятное. Приятное?!

- Всего доброго, господин граф, - сказала Аделаида. – Для меня огромная честь...

- Идите уже, - велел Близар, прищелкнув пальцами, и двери замка распахнулись.

Счастливо взвизгнув, Аделаида схватила подол платья спереди двумя руками и бегом бросилась к дверям. Я заметила, что поодаль, у дороги, стоят позолоченные сани без лошадей.

Стылый воздух пошел низом, но Аделаида не спешила спускаться с крыльца, замерев на пороге.

Чего она ждет? Я наблюдала за ней с недоумением, и вдруг что-то сверкнуло – как звездочка, слетев сверху, и зазвенело,

упав на крыльцо. А потом упала еще одна звездочка, и еще, и еще одна!..

Звездочек становилось всё больше и больше, и я уже не сдержала удивленного возгласа – на Аделаиду дождем сыпались серебряные талеры! А она ловила их подолом, пряча лицо, потому что монетки лупили ее по голове и плечам.

Двери замка со скрипом и грохотом захлопнулись, но я не могла пропустить это зрелище!

Подышав на заиндевелое окно, я через «глазок» увидела, как спесивая девица, зажимая подол в зубах, пытается подобрать с крыльца как можно больше монет. Руки ее покраснели от холода, глаза выпучились от натуги, но она собрала все серебряные кругляшки, а потом с трудом, широко расставляя ноги, потащила свое обретенное сокровище к саням.

Почти свалившись на сиденье, она поплотнее затянула подол, боясь потерять хоть монетку. Сани дрогнули и... помчались по склону горы вниз. Сами, без лошадей.

Я смотрела вслед удалявшимся саням, пока они не скрылись в клубах снежной дымки и только потом оглянулась.

Граф Близар никуда не ушел, он по-прежнему стоял в коридоре, скрестив на груди руки и смотрел на меня, насмешливо кривя губы.

- Вы... вы... заплатили ей серебром... - еле выговорила я, тыча пальцем в ту сторону, куда скрылась Аделаида. – Вы за что заплатили?.. За... - я замолчала, чувствуя, как кровь прихлынула к лицу.

Он заплатил ей за... поцелуй?.. Я постеснялась даже мысленно предположить, за что еще могло быть уплачено. Но неужели все истории про развратного графа Близара, соблазняющего невинных девушек – правда?..

- Хочешь заработать больше пяти серебряных монет? – спросил Близар с холодной насмешкой.

- Нет! – быстро ответила я. – Пять, как и договаривались. И расписка. И поскорее, пожалуйста. Не хочу больше здесь оставаться.

Я все краснела и краснела, а колдун, казалось, наслаждался моим смущением и негодованием.

Во всяком случае, наблюдал за мной, склонив к плечу голову.

- Расписку, пожалуйста, - сказала я тихо, не осмеливаясь поднять глаз, хотя я не совершила ничего постыдного, в отличие от некоторых.

- Конечно, расписка, - сказал Близар, нахмурился, а потом пожал плечами. – Хорошо, пойдем, напишем расписку.

Он стал подниматься по лестнице, и я опасливо последовала за ним. На втором этаже он вошел в одну из правых дверей, и я сначала заглянула в комнату, и только потом переступила порог.

Здесь располагался рабочий кабинет. У окна стоял секретер, в открытой папке лежали листы великолепной бумаги, в каменном стаканчике стояли белоснежные пушистые перья. Здесь был жарко натоплен камин, и березовые поленья весе-

ло трещали.

Ничего страшного, ничего пугающего.

Я почти крадучись подошла к столу, пока граф разогревал воск для печати и очинил перо.

Мне казалось, он очень долго пишет – я читала через его плечо.

«Жениться на девице Антонелли не намерен... помолвку считать недействительной... девица Антонелли свободна в выборе спутника жизни... Никаких обязательств...».

Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, я слышала, как граф напевает:

- Ты при зимнем ясном дне

Попроси снег об игре.

Пусть она с тобой играет,

Пусть она душою тает...[1]

Он поставил подпись и сложил письмо, а потом покачал металлическую чашечку с длинной ручкой, проверяя – хорошо ли разогрелся воск.

Значит, осталось только опечатать...

Это обрадовало меня, и я спросила:

- Вы тоже знаете эту песенку?

- Какую песенку? – рассеянно спросил он, выливая воск и прикладывая печать – круглую, вырезанную из незнакомого мне серо-зеленого, полупрозрачного камня.

- Про игру со снегом, - сказала я, уже не сдерживая улыбки. Наконец-то я буду свободна, а мачеха умрет от огорче-

ния, что ее коварство не удалось!

- Игра со снегом? – он подождал, пока воск схватится, а потом помахал письмом, чтобы печать застыла окончательно.

- «Ты при зимнем ясном дне...», - повторила я. - Моя мама часто ее пела, эту песню. Забавная, правда? Ничего в ней не понятно.

Близар уже протянул мне письмо, но когда я хотела его взять, вдруг отдернул руку.

- Милорд... - сказала я растерянно, все еще улыбаясь.

Не отрывая от меня глаз, он вдруг разорвал письмо напополам, а потом еще раз напополам.

- Милорд! – крикнула я. – Что вы делаете?!

- Просто передумал, - ответил он и бросил обрывки письма в камин.

Я с отчаянием смотрела, как клочки бумаги пожирает пламя, а потом обернулась к графу, сжимая кулаки, хотя понимала, что не осмелюсь ударить его даже за эту дурную выходку:

- Что же вы сделали? – только и произнесла я.

- Останешься здесь, - сказал колдун, как отчеканил, и его глаза обрели по-настоящему морозную синеву. – Со мной.

[1] Перевод стихотворения У.Блейка «Снег»

Глава 7

- Остаться с вами? Такого уговора не было! Вы обманщик! – мне и в самом деле ужасно хотелось ударить его. – А как же ваше обещание? Колдун слов на ветер...

- А я от своих слов не отказываюсь, - сказал он очень спокойно, - ты получишь деньги и расписку... но не сейчас.

- Не сейчас? А когда же?

- Когда посчитаю нужным, - говорит он. – А пока ты будешь жить здесь, в моем доме. Я так решил.

- Только меня забыли спросить! – выкрикнула я ему в лицо и помчалась прочь.

Я пробежала коридор, захлебываясь слезами обиды и унижения. Убрать зал... принести шоколад его любовнице... выклянчивать деньги и проклятую расписку!.. И все зря!..

Позабыв, что моя шуба осталась в спальне наверху, я бежала вниз по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек.

Близар вышел из кабинета, но не бросился в погоню, а оперся ладонями о перила, наблюдая, как я убегаю.

Вот пусть и смотрит! Обманщик!

Я преодолела уже второй пролет, как вдруг Близар позвал:

- Сияваршан! Аустерия! Остановите ее!

Он не кричал, но его голос обрушился, подобно снежной лавине. Сразу заложило уши, а замок, казалось, отозвался

стоном и гудением.

Тут же дорогу мне преградил некто – появился откуда-то сбоку, словно вынырнул из стены. Он был полупрозрачный, словно сотканный из серебристо-голубоватого тумана, из морозной дымки. Даже гофрированный воротник, как носили во времена моих прабабушки и прадедушки, казался сделанным из серебристых искорок.

Призрак!

От него вело холодом, а за его спиной поднимался еще одно призрачное виденье – женщина с длинными спутанными волосами. Волосы шевелились, как живые, словно сотни змей. Женщина была одета в богатое платье со старинным квадратным вырезом, из которого почти вываливалась дряблая грудь. Женщина тоже была похожа на морозное облако, но виделась не так четко, как призрак-мужчина – словно бы ее постоянно колыхало ветром.

А у мужчины можно было разглядеть каждую черточку, каждую морщинку на лице. Он был достаточно молод и скалил в улыбке ровные зубы. Усы лихо топорщились, а маленькую бородку стягивала ленточка, завязанная двумя бантиками.

Раскинув руки, он надвигался на меня, страшно вращая глазами. Я попятилась, споткнулась о ступеньку и чуть не упала.

- Ведите ее сюда, - велел колдун.

Призраки схватили меня под мышки, и я почувствовала

их не как облака и туман, а как живых существ – холодные, жесткие пальцы держали крепко и больно, а смертельный холод пронзал до самого сердца. Волосы женщины опутали меня, как веревки, сдавив грудь и почти не давая дышать. Призраки в два счета затащили меня на второй этаж и втолкнули в кабинет.

Близар подошел ко мне не торопясь, взял за подбородок и заставил поднять голову. Синие глаза были такими же холодными, как хватка призраков. Я вздрогнула и зажмурилась, и колдун тотчас приказал:

- Отпустите ее.

Ледяные пальцы разжались, и я, не удержавшись, упала на колени, обхватив себя за плечи, чтобы согреться. Все было совсем не так, как в моем сне, хотя я, продрогшая, стояла на коленях перед колдуном, повелевающим холодом. Мне совсем не хотелось искать у Близара защиты. Нет, надо было искать защиту от него самого. Но кто сможет бросить ему вызов?

- От меня не скроешься, – говорил между тем Близар. Говорил монотонно, как гувернер на уроке повторения. – От меня не убежишь, как не убежишь от зимы.

В комнате похолодало, женщина-призрак тряхнула головой, волосы всплеснули, как белесый туман, и огонь с шипением потух, а в камине намело сугроб по колено. Стало совсем морозно, теперь даже дыхание вырывалось белым облачком.

- Ты же не хочешь замерзнуть где-нибудь на обочине? - спросил Близар. - Посмотри на меня.

Я медленно подняла голову и ответила, стуча зубами:

- Н-нет, не хочу.

- Вот и хорошо. Уходите! - колдун указал призракам на дверь, и те вылетели в нее, как порывы метели.

Сразу стало теплее, и я принялась растирать окоченевшие руки.

- Зачем я вам? - взмолилась я. - Вы же обещали меня отпустить. У меня есть жених...

- Я так решил, - повторил он, явно не желая ничего объяснять.

- Вы возьмете меня в жены?... - пропищала я испуганно и кашлянула, чтобы вернуть осипшему голосу прежнее звучание.

- Еще не определился, - оборачиваясь к окну, ответил он, и в его голосе я уловила насмешку.

Несмотря на пережитый ужас и охвативший меня страх, я не могла не разозлиться, услышав смешок.

- Мой жених приедет за мной, - пригрозила я колдуну. - А мой отец пожалуется королю.

- Не сказать, что я слишком этим испуган, - ответил Близар.

Разумеется, я прекрасно понимала, что Роланд и в самом деле ничего не может противопоставить колдуну. А жалоба королю... граф Близар - королевский астролог... Как мож-

но приносить жалобы королю на того, к чьим советам его величество прислушивается?! Чистейшего льда безумие... Но сдаваться рано...

- Эти призраки... - сказала я, запинаясь. — Я думала, призраки бесплотны, как туман... А они...

- Они не призраки, - Близар отошел от окна, взял со стола чернильницу и перевернул — чернила не вылились, превратившись в лед. Колдун с досадой поставил ее обратно на стол. — Они духи зимы.

Он оглядел засыпанный снегом камин и процедил сквозь зубы:

- Мерзкая баба, не могла не взбрыкнуть, - а потом добавил: - Выгреби снег и растопи камин.

- Но я не служанка! — вскинулась я.

- Уберешь снег, растопишь камин, - сказал колдун, как пригвоздил меня к полу. — Я так решил.

Он ушел, а я и стояла посреди комнаты на коленях. Нет, я не останусь. Пусть хоть толпа призраков погонится за мной! Воспоминание о ледяных чудовищах окончательно лишили меня разума.

Надо бежать!

Теперь у меня есть сапоги, а возчика можно нанять в долг!

Надо только забрать из спальни шубу и шапку!

Я выглянула из кабинета, но в коридоре и на лестнице было пусто.

Крадучись, я принялась подниматься по лестнице. Спальня находилась на четвертом этаже, но я миновала один пролет, второй, восьмой, десятый – а нужного коридора все не было. В конце концов, я уткнулась в огромное зеркало в ореховой раме, которого раньше не видела, и почувствовала, что попала в ловушку.

- Собираешься убежать? Глупо, - раздалось за спиной.

Я оглянулась. На перилах полулежал, подперев голову, призрак... вернее, дух зимы – тот, что тащил меня к Близару, мужчина с бородкой, перевязанной ленточкой. И он говорил со мной...

Я помчалась по ступеням вниз, едва не повизгивая от ужаса. Почему-то уже через три лестничных пролета я добралась до первого этажа. Здесь здравый смысл меня совсем покинул, и я бросилась к двери – скорее, скорее прочь из этого страшного дома!

Но вместо арочных дверей я обнаружила только гладкую гранитную стену. Не веря глазам, я обшаривала ее в поисках дверного кольца, когда слышались осторожное покашливание и уже знакомый голос:

- Прости, малыш, совсем не хотел тебя пугать...

Он парил рядом со мной – искрящийся, как снег, поднятый в воздух ветром, полупрозрачный – сквозь него можно было разглядеть вход в кухонный коридор - и... живой!

Словно мышь, убегающая от кота, я бестолково метнулась в сторону и вбежала в зал, который сегодня приводила в по-

рядок. Заперев за собой дверь, я схватила первое, что попало под руку – метлу! - ожидая нападения. Но все было тихо, и никто не пытался сломать дверь, и никто больше не говорил со мной... Малыш?... С чего это оно вздумало называть меня малышом?!

- Может, прекратишь бояться? – раздался вкрадчивый голос возле самого моего уха. – Я ведь уже извинился.

Я отпрыгнула, выставив метлу, как копье. Но дух, непостижимым образом проникший в запертую комнату, только усмехнулся, покосившись на мое оружие, заложил руки за спину и пролетел кругом по залу, поднимаясь все выше.

Полет завораживал – как будто надо мной кружилась метель. Но кружилась не беспорядочно, метаясь туда-сюда, а словно танцевала, плавно покачиваясь и перетекая серебристыми клубами.

Это было... невероятно красиво. И я смотрела на этот танец-кружение, открыв рот.

- Ты и правда думала отбиться от меня метлой? – спросил дух, удобно повисая на факельном кольце, вбитое в стену. – Наивная крошка... Даже не поняла, что за метла у тебя в руках?

Я тут же посмотрела на метлу.

Белоснежная метелка вдруг зашевелила травинками, и из нее выпорхнуло что-то такое же серебристо-вьюжное, как и дух, заговоривший со мной. Облако, размером чуть поменьше меня, не имеющее формы, поднялось к потолку, растя-

нулось дорожкой, а потом свернулось в кольцо.

- Зачем было говорить с ней? – спросил кто-то недовольно.

Голос был женский, а следом за ним в комнате оказалась и его обладательница – та самая женщина с длинными волосами. Пряди и сейчас шевелились, как змеи, ползали по ее плечам и спине, обвивались вокруг головы. Я успела заметить, что женщина просочилась из вентиляционного отверстия под потолком – сначала вытянулась до толщины руки, а потом обрела более привычный вид, если только вид духа может быть привычным.

Я запоздало бросила метлу, и дух-мужчина рассмеялся:

- А теперь-то чем она тебя напугала? Надо сказать, ваши сегодняшние танцы с балбесом были презаба-а-авные!

- Зачем ты с ней разговариваешь? – заворчала косматая женщина, подлетая к часам и пальцем поворачивая часовую стрелку на три круга обратно, отчего часы тут же начали бить двенадцать.

- Близар все равно нас ей показал, - передернул плечами дух-мужчина. – Какой смысл прятаться? А мне интересно поболтать с такой милашечкой.

Бесформенное облако бестолково носилось под потолком, а потом упало мне под ноги и превратилось в белоснежного пушистого кота. Кот важно прошелся передо мной, а потом уселся и принялся вылизывать под хвостом. Я отвела глаза и посмотрела на духа-мужчину. Он игриво поглядывал сверху

и усиленно строил глазки.

- Меня зовут Сияваршан, - представился он, поигрывая бровями.

- Сия... - с первого раза у меня не получилось повторить его сложное имя.

- Но ты, малыш, можешь называть меня просто – Шани, - он слетел пониже и улегся на живот прямо в воздухе, положив подбородок на сложенные руки. – А вот та унылая особа, - он указал взглядом на косматую женщину, - зовется Аустерия. Мы не хотели тебя пугать, правда. Но обязаны подчиняться любому приказу графа Близара, поэтому ты уж извини.

- Близар – ваш хозяин? – я умудрилась выговорить это связно и даже достаточно громко.

- Да, всё здесь подчиняется ему, - подтвердил зимний дух скорбно и сделал пируэт вокруг моей головы. – И мы, и этот замок, да и все королевство в придачу.

- Не знала, что он такой могущественный... - пробормотала я, поеживаясь.

Сейчас в зале было прохладно, но не смертельно-холодно, как когда призраки волокли меня к колдуну. Аустерия внушала мне больший страх, чем Сия... Шани, и я все время косилась на нее. Она с недовольным видом дергала часы за гирьки и баловалась со стрелками, а потом, видимо, заскучав, зевнула и изящно присела на каминную полку, сразу же оплетя волосами амурчика.

Белый кот решил обратить на себя внимание и потерся о мою ногу. Прикосновение тоже было ощутимым – как будто меня потерли сухой лыдышкой. Я невольно отшатнулась, и кот, задрав хвост трубой, взмыл к потолку и начал носиться там кверху лапами.

- Он балбес, - пояснил господин Шани добродушно, - не обращай на него внимания.

- Я... стараюсь... - ответила я, как замороженная наблюдая за передвижениями белого кота. – А как его... зовут?

- У него нет имени, - Шани пожал плечами и спустился ко мне, встав рядом. – Просто балбес. Даже говорить еще не умеет. Ему тысячи не исполнилось, вот и бесится.

- Тысячи? – переспросила я.

- Тысячи лет, - охотно пояснил дух. – Вот когда повзрослеет – сможет принимать человеческий облик, тогда и начнет болтать – не заткнешь.

- Тысяча лет?! – я была потрясена. – О... тогда сколько же вам?..

- Мне в этот сочельник исполняется ровно семь тысяч триста пятьдесят, - объявил он горделиво. – Аустерии поменьше – шесть тысяч с четвертью, если мне память не изменяет...

- Ты только свой возраст и помнишь! – огрызнулась женщина, обиженно надув и без того пухлые щеки.

- Да полноте обижаться, - ответил Шани со смешком. – По сравнению со мной, вы, сударыня, желторотый цыпленок.

Я слушала их препирательства и думала, что схожу с ума. Потому что одно дело – слушать сказки про колдунов и разных чудовищ сидя зимним вечером у камина, и когда кухарка печет вкусные кексы с тмином, а другое дело – увидеть колдунов и чудовищ наяву. Взгляд мой упал на брошенную метлу. Оставленная духом, она превратилась в самую обыкновенную – с темной, немного кривой палкой, и с желто-бурой сухой травой, примотанной грязной веревкой.

Голова закружилась, и меня повело сначала вправо, потом влево.

- Тихо-тихо, - тут же подскочил ко мне Шани, подхватывая под локоть. Пальцы его были прохладными, но не ледяными, и не сковывали морозом, как раньше. – Присядь-ка, малыш. И то сказать – слишком много потрясений для такой крошки. Нет, Близарчик был неосторожен... Очень неосторожен... Попей молочка, - он метнулся облаком в сторону кухни и спустя несколько секунд уже ставил передо мной хрустальный бокал с молоком.

Поблагодарив, я через силу сделала глоток, чтобы не вызывать недовольства духов.

- Вам столько тысяч лет, - сказала я, немного придя в себя, - и вы подчиняетесь простому человеку – графу?

Шани засмеялся, а белый кот прыгнул к нему на плечи, мурлыча, как настоящий.

- Скажем, не совсем простому, - ответил дух, почесав кота за ухом. – И между нами говоря, он не такой уж заноза,

каким кажется.

- Заметно, - тут же отозвалась я, поджимая губы.

- Ты обижена, возмущена – понимаю, - Шани ффривольно приобнял меня, но я так посмотрела, что он сразу убрал руку. – Просто хотел утешить, - сказал он, наивно тараща глаза.

- Я не нуждаюсь в утешениях.

- И сразу так грозно сверкать глазками! – захохотал дух. – Послушай, малыш, - сказал он доверительно, с улыбкой заглядывая мне в лицо: - Мы тут все – хорошие парни...

С каминной полки донеслось многозначительное покашливание, это напомнила о себе Аустерия.

- Прошу прощения, - отвесил в ее сторону комичный поклон Шани. – О вас-то я и забыл, моя дорогая. Конечно же, вы – дама тоже ничего, - и добавил, понизив голос: - когда не трясете шевелюрой.

В ответ одна из прядей дамы Аустерии дотянулась до него и попыталась захлестнуть вокруг шеи, но насмешник увернулся и, заливаясь смехом, взмыл под потолок, спрятавшись за люстру. Безмолвный дух, принявший облик кота, набросился на шевелящуюся прядь, урча и мяукая, и дама Аустерия возопила:

- Брысь! Брысь! Пошел вон, животное!... Ты спутаешь мне все локоны!...

Я следила за их возней, приоткрыв рот – все это казалось мне сном, а никак не реальностью.

- Наподдайте ему, дорогая Аустерия! – изнемогал от хо-

хота Шани. – Принести вам веник?

Он спустился ко мне и весело сказал:

- Ну что? Признай, малыш, что мы совсем не страшные!

- Но вы намеренно пугали меня, - напомнила я ему.

- Брось, это уже пора забыть, - сморщил нос Шани. – Мы не могли противиться Близару, а он приказал тебя вернуть.

- Речь не об этом, - указав на часы, произнесла я. – Часы, летающая тряпка, призрак в зеркале... Или это тоже приказал сделать граф Близар?

Шани чуть смутился, но лукавая улыбка не покинула его лица:

- Нет, Близар ничего подобного не приказывал. Но нам не часто выпадает случай поразвлечься. Это были всего лишь дружеские забавы, без злого умысла.

- Странные забавы, - сдержанно заметила я.

- Поверь, в этом доме всё странно! – подмигнул он мне и вдруг замер и насторожился.

Я не поняла, что происходит, но Аустерия тоже замерла, а белый кот прекратил играть ее волосами и шлепнулся на пол, как кулек с мукой.

- Близар зовет, - проскрипела дама Аустерия, снялась с каминной полки и поплыла к выходу.

Вслед за ней взметнулись туманными облаками остальные призраки.

- У нас дела, малыш, но мы скоро увидимся! – крикнул на прощание Шани. – Советую не злить Близарчика и делать

всё, как он велит! Целую щечки, вишенка!

Глава 8

Духи улетели, и я осталась в зале одна. В замке было тихо, только отсчитывали секунды настенные часы. Потом я услышала шаги по лестнице и увидела, как мимо приоткрытой двери прошел колдун – в меховом плаще, но опять же без шапки.

Конечно же, я не смогла утерпеть и подбежала к окну, подышав на заиндевелое стекло. Через «глазок» прекрасно просматривалась дорога к Эшвегу, и там снова стояли позолоченные сани, но на этот раз они были запряжены лошадьми – черной и белоснежной. Животные нетерпеливо били копытами, а Близар сбежал с крыльца, сел в сани и небрежно подхватил вожжи. Дама Аустерия, парившая в воздухе, вдруг рассыпалась сверкающей снежной пылью, и это облако, похожее на роящихся белых пчел, пристроилось на запятках саней.

Колдун присвистнул, и лошади бодро помчались по дороге, и белые пчелы летели следом, как снежный шлейф. Наблюдая эту удивительную и (что скрывать?) волшебную по красоте картину, я совсем позабыла, что стала пленницей в замке Близара, и опомнилась только тогда, когда сани скрылись из виду.

Что же делать дальше?

Идти и покорно чистить камин?

Но похоже, что Близар уехал вместе со своими слугами-призраками. Я ни минуты не сомневалась, что лошади были никем иными, как снежными духами. Выйдя в коридор, я обнаружила, что двери замка остались на месте, и дверное кольцо сияло, отполированное до блеска. Я побоялась сразу открывать двери и прошла в кухню, вроде бы для того, чтобы забрать совок и ведро и приступить к уборке камина.

Поднявшись на второй этаж, я никого не встретила, ничего не услышала. Наверное, и в самом деле в замке кроме меня не было больше ни одного живого существа.

Снег в камине уже начал таять, и я поспешила скинуть его в ведро, а потом сгребла уголья и оставила просохнуть, а сама подхватила ведро и совок, и пошла к лестнице. Но вместо того, чтобы идти вниз, стала подниматься по ступеням.

Я подумала, что колдовство действовало только когда Близар бал дома, потому что в этот раз замок не играл со мной в лабиринты, и я сразу увидела нужный коридор. Спальню я тоже нашла без труда, быстро надела шубу, натянула шапку и помчалась вниз.

Никто не остановил меня, ничего не случилось, и я, задыхаясь, добежала до арочной двери, но едва прикоснулась к дверному кольцу, чтобы потянуть его, как пальцы обожгло холодом – да так больно, что я вскрикнула.

- Куда это ты собралась, милочка? – прозвучал дребезжащий старческий голос. - А ну, оставь колечко.

Но я уже и сама отпустила металлическое кольцо, плача от боли, и засунула руку под мышку, стараясь согреть.

- Кто здесь? – спросила я жалобно, оглядываясь по сторонам.

- Лучше бы тебе не баловать, - из темноты появился еще один призрак...

Нет, снежный дух! Я поняла это по мерцающему блеску – он был словно вырезан из инеистого хрусталя, и сиял ярче, чем Шани. Дух выглядел согбенным стариком – сухоньким, в стеганом жилете и клетчатой рубашке, коротких старомодных штанах длиной до колен, полосатых чулках и смешном колпаке, конец которого падал ему на лоб.

Шани, дама Аустерия и белый кот летали, не касаясь земли, а старик шел, шаркая подошвами мягких туфель – маленький, сморщенный, очень настоящий, если не считать хрустальную прозрачность. Он хихикал, посматривая на меня, и на длинном крючковатом носу поблескивали круглые очки. Бесцветные глаза смотрели плутовато, и он даже погрозил мне пальцем, скрюченным артритом.

Снежный дух прошаркал из кухни в зал, и я услышала оттуда старческое покашливание. С отчаяньем взглянув на кольцо, налившееся синеватой морозной силой, я готова была заплакать. Заглянув в зал, я обнаружила, что старик удобно устроился в кресле возле загоревшегося камина и курит призрачную трубку, пуская изо рта клубы белоснежного дыма.

- Дедушка, - позвала я тоненько, - отпустите меня, пожалуйста...

- Близар велел присматривать за тобой, - задремал он, даже не посмотрев в мою сторону и с наслаждением затачиваясь. – И он был прав, этот молокосос, ты и в самом деле та еще егоза.

- Но он не имеет права удерживать меня здесь, - слезы уже навернулись на ресницы, но я запретила себе плакать. – Король узнает – и рассердится на вашего графа!

- Король бежит перед ним, как дрессированный песик, - захихикал старик. – Принеси-ка мне плед, милочка. Да побыстрее. Поднимешься на третий этаж, там четвертая дверь справа, возьмешь в шкафу. Де не ленись, не ленись! Беги резвее! Ножки-то молодые, спорые!..

Разумеется, за пледом я отправилась, но не побежала, а пошла, переставляя ноги медленно – из строптивости. Хотя это было глупо – если уж согласилась быть у призрака на побегушках, то какой смысл капризничать?

Плед я нашла безо всякого труда и вернулась в зал, не заплутав и не потерявшись.

Старик не выказал никакого недовольства, что меня не было так долго, и попросил укрыть ему ноги пледом. Я выполнила его просьбу, и он блаженно прикрыл глаза, всем своим видом показывая, что до меня ему нет дела.

Потоптавшись рядом, я осмелилась спросить:

- Вы знаете, что граф Близар намерен делать со мной?

Старик приоткрыл один глаз и захихикал.

- Никто не знает, что в голове у Близара, - сказал он хитро, и я ему ничуть не поверила. – Захочет – скажет, не захочет – промолчит, и не попытаешь ничего. Про тебя он ничего не говорил.

- Вы тоже ему... служите? Есть еще кто-то? – я оглянулась, ожидая, что вот сейчас откуда-нибудь из потолочной щели выползет еще пара снежных чудовищ.

- Хочешь сбежать? – старик открыл глаза и посмотрел на меня плутовато. Стекла его очков радужно переливались, как льдинки, если посмотреть сквозь них на солнце. - И не надейся. Если Близар прикажет, мы тебя найдем и в твоём захудалом Любеке.

- Но зачем ему меня искать?! – почти крикнула я.

- Кто знает, что у колдуна на уме, - пожал он плечами. – А ты лучше сделай, что он приказал, - и дух поуютнее завернулся в плед и засопел, словно уснул.

Я побоялась его окликать, постояла рядом в горестном молчании, а потом отправилась выполнять приказание колдуна. В кабинете стало совсем тепло – во всяком случае, чернила в чернильнице растаяли. Я сложила в камин поленья, подсовывая под них трут и щепочки, и разожгла огонь.

Сегодня я должна была вернуться домой. Отец разволнуется, но мачеха, наверняка, придумает какую-нибудь причину – скажет, что попросила меня заехать к ее подруге или

что попасть к королевскому колдуну не так просто – надо записаться на прием.

Я уныло вздохнула: попасть к колдуну просто, а вот как от него выбраться?

Спустившись в зал, я обнаружила, что старик все так же дремлет в кресле, а дверная ручка все так же сияет, налистая морозной силой. Я попробовала потянуть за кольцо через тряпку, но холод все равно обжигал руки. Тогда я пустила в ход деревянную ручку от совка, но ручка прямо на моих глазах промерзла и сломалась, как сосулька.

Немного поплакав от злости и бессилия, я сообразила взять кастрюльку с длинной медной ручкой, но когда хотела опробовать ее, дверь распахнулась, и на пороге появился Близар.

Я заметалась и вправо, и влево, но бежать было уже поздно.

- Что это ты собралась делать? – спросил колдун, подозрительно меня рассматривая, и с особым вниманием разглядывая кастрюльку.

- Хотите яичной каши? – выпалила я первое, что пришло в голову. - Я приготовлю.

Но колдуну есть, похоже, не хотелось.

- Фаларис! – крикнул он, заходя в дом и захлопывая дверь. Раздалось кряхтенье и покашливание, а потом, шаркая туфлями, появился заспанный старик.

- Ты видишь, что она делает? – спросил Близар холодно.

– Она пыталась открыть двери, а ты спишь.

- У меня все под приглядом, - заверил его старик, тараща спросонья глаза.

- Оно и видно, - презрительно заметил Близар, глядя на кастрюльку в моих руках.

Я запоздало спрятала ее за спину. Колдун фыркнул.

- Яичной каши она решила отведать, - он бросил плащ на руки старику и легко взбежал по лестнице.

- Вы не имеете права держать меня здесь! – запоздало крикнула я колдуну вслед, но он не удостоил меня ответом.

Зато старик, которого колдун назвал Фаларисом, с неожиданной резвостью подскочил ко мне, и я увидела, что он рассержен не на шутку – очки так и подпрыгивали на длинном носу, а сам старик фыркал, как кот, которого потревожили, когда он сладко спал.

- Тебе чего не сидится?! – зашипел старик. – Дай сюда! – он выхватил у меня кастрюльку и замахнулся, словно хотел ударить.

Я невольно прикрылась сгибом локтя, и тут же раздался вопль Сияваршана:

- Эй, полегче, моховая борода! – Сияваршан спикировал откуда-то сверху и встал между мною и стариком, выпятив грудь. – А ну, прекрати пугать малышку! Она под моей защитой.

- Кто ее пугает? – досадливо ответил Фаларис, но кастрюльку опустил и пошаркал в кухню. – А ты бы ей лучше

объяснил, что хозяин терпеть не может, когда ему перечат... - голос его становился все тише, а потом из кухни раздался грохот посуды и недовольное ворчание.

- Не обращай внимания, - беззаботно махнул рукой снежный дух, облетая меня, а я поворачивалась за ним, как флюгер на ветру. – Сейчас перемоем котелки-чашки и поухаживает. Больше он ни на что не способен, старая развалина.

- Он заколдовал дверную ручку, - возразила я.

- И очень кстати, верно? – Сиваршан бросил на меня хитрый взгляд, но сразу же стал серьезным и сказал с сочувствием: - Лучше не скреби себе на хребетик, котенок. С Близаром шутки плохи, он слов на ветер не бросает.

Было странно и неприятно, что дух повторил слова моей мачехи. Я передернула плечами, но злиться сейчас было неразумно. Злиться стоило на колдуна, а не на его слуг, выполнявших приказы.

- Что же мне теперь делать... господин Шани? – спросила я, молитвенно складывая руки.

Похоже, ему понравилось, как я его назвала, потому что он довольно улыбнулся, подлетел ближе и ущипнул меня за подбородок, и я снова почувствовала только легкий холод, а не пронизывающую стужу.

- Не знаю, зачем Близарчик оставил тебя, - признался он. – Но самое мудрое – это выждать. Думаю, скоро все станет ясно.

- Но я не могу выждать, - возразила я. – Меня потеряют

дома, сегодня я должна была вернуться... Мой отец болен... - пыталась сдержать слезы, но они так и хлынули, и я прикусила губу, чтобы не разреветься.

- Ну, малыш, этим делу не поможешь, - попытался утешить меня Сияваршан. – Давай-ка ты прекратишь тратить попросту слёзки, а я пообещаю, что поговорю с Близаром и постараюсь узнать, что он хочет от тебя.

- Да, спасибо... - прошептала я.

- Вот, дыши глубже, успокойся, - ворковал снежный дух, поглаживая меня по голове.

Я отстранилась, и он засмеялся. А в следующее мгновение в коридор ворвался белоснежный вихрь – это безымянный призрак опять закрутился под потолком, как обезумевшая метель.

- Не видишь, балбес, что крошке грустно? – упрекнул его Сияваршан.

Безумная метель замерла, а потом метнулась мне прямо на грудь, превратившись в белоснежного кролика с мохнатыми повисшими ушами. Я уткнулась лицом в прохладный пушистый бок, пряча слезы, и чувствую ладонью, как бьется маленькое сердечко под белым мехом. Кролик ластился так умильно, что я не могла не засмеяться.

- Вот и хорошо! – обрадовался Сияваршан. – Давай, балбесик, изобрази нам еще кого-нибудь, повесели девушку!

- Он может стать кем угодно? – спросила я, когда кролик превратился в крохотную белую мышку и пушистым комоч-

ком пробежал по моей руке, защекотал шею и подбородок, и забавно запищал, когда я поймала его поперек живота.

- Мы все это можем, - сказал Сияваршан небрежно. – Балбес умеет превращаться лишь в животных, вот пусть и забавляется. А наше искусство уже не для баловства.

- Для чего же? – спросила я, обидевшись за безымянного духа, который обернулся белоснежным шмелем и ползал по моим пальцам, щекоча мохнатым брюшком. – Для того чтобы возить сани графа Близара?

Сияваршан хмыкнул – кажется, я задела за больное.

- Какой силой он заставил вас подчиняться? – я пошевелила пальцами, и шмель взлетел, сердито жужжа.

- Мы служим его семье еще со времен первого графа Близара, - пояснил Сияваршан, отмахиваясь от шмеля, который закружил вокруг него. – Граф Арчибальд был тот еще жук, и очень искусный в колдовстве. Но Николас смог превзойти и его, - он задумчиво щелкнул шмеля, и тот стрелой пролетел комнату, шлепнулся в стену, размазавшись белым пятном, а потом стек на пол ручейками, превратился в кота и, жалобно мяукая, заковылял ко мне.

- Вы поранили его! – ужаснулась я, подхватывая кота на руки и ощупывая, чтобы определить повреждения.

- Да он дурачится, - ответил Сияваршан с ревнивой досадой. – Прекрати, балбес! А ты не будь столь легковерной, крошка. Разве можно поранить зимний ветер?

Кот, чью хитрость разгадали, тут же замурлыкал и при-

нялся тереться о мою щеку, как ни в чем ни бывало.

- И правда, вы все тут обманщики, - сказала я, сбрасывая кота на пол.

- Я тебя ни разу не обманул, дорогуша! - запротестовал Сияваршан, а белый кот превратился в белого суслика и просительно встал на задние лапы.

- И все же нехорошо, что такое милое существо без имени, - я сделала вид, что не услышала снежного духа и встала на колено, наклонившись к суслику. – Не надо больше звать его балбесом. Он ведь не виноват, что еще не умеет говорить. Он весь бархатный... - я погладила суслика. – Назовем его Велюто. Тебе нравится такое имя?

В ответ суслик так распушил шкурку, что стал похож на моток козьей пряжи.

- Ему нравится, - буркнул Сиваршан. – Сейчас до вечера будет по потолку скакать.

- Значит, будет Велюто, - подытожила я.

- Значит, надо отпраздновать! – Сияваршан потащил меня в кухню, подальше от кота. – Балбес получил имя! Это же событие! Попросим Нордевилля приготовить что-нибудь горячительное, чтобы кровь быстрее побежала по этим щечкам, - он хотел ущипнуть меня за щеку, но я успела увернуться. – Ну прости, прости, - добродушно извинился он. – Просто я сам не свой, как тебя вижу – такая конфетка появилась в замке!

- Нордевилль – это еще какой-то призрак? – спросила я,

меняя тему.

- Тот старикан, - ответил Сияваршан, взмывая к потолку.

- Но... граф называл его Фаларисом?

- Так и есть, - призрак пожал плечами. – Фаларис де Нор-девилль. Брюзга и лентяй, и совсем не опасен, не бойся его.

Мы вошли в кухню (вернее, я вошла, а Сияваршан влетел), а следом за нами примчался Велюто. Я с опаской поглядывала на старика, снующего у печки. Он протирает плиту ветошкой, а кастрюли и сковородки уже сияли начищенными медными боками и донцами. И хрустальные бокалы сверкали, как лед. Полки снова ломились от разной вкусной еды – тут были свежее желтое масло, копченое мясо, крупы и яйца, кровяная и белая колбасы, пшеничный хлеб утренней выпечки. И, конечно же, здесь был кофе – только что смолотый, распространяющий бодрящий аромат.

Пить кофе под вечер – совсем не соответствует традициям, но когда по просьбе Сиваршана старик-призрак поставил кофейник на плиту, отказаться не смогла.

Горячий кофе со взбитыми сливками, посыпанный корицей – что может быть вкуснее!

К кофе слуги графа подали особое песочное печенье – тонкое, как листы бумаги, хрустящее, тающее на языке. Это была знаменитая столичная «Черепица» - я знала, как ее готовили. Тесто для выпечки надо было раскатать так тонко, а оно было таким нежным, что его просто сплющивали на скалке, прижимая к доске, посыпанной сахаром.

Я съела одно печенье, второе и потянулась за третьим, когда заметила, что наслаждаюсь угощением я одна. Велюто устроился у меня на коленях, Сияваршан прохаживался вдоль стола, разглагольствуя о пользе горячительного кофе, а Фаларис устроился на скамейке в уголке, вытянув ноги, и, кажется, задремал.

- А вы... не будете? – я указала на дымящийся кофейник.

- Не будем? – переспросил Сияваршан, речь которого я прервала. – А, ты о еде? Малыш, мы же духи зимы! Мы не питаемся вашей обыкновенной, человеческой пищей.

- Чем же вы питаетесь? – спросила я, и мне сразу расхотелось есть.

Призрак заметил мое замешательство и расхохотался:

- Можешь быть спокойна, мы точно не употребляем на ужин маленьких трусливых девственниц! – он сказал это и соорудил свирепую гримасу, скаля зубы и вращая глазами, а потом снова засмеялся.

Но меня это совсем не рассмешило. Стало холодно, и я обхватила чашку двумя руками, согревая озябшие пальцы, и спросила, внезапно вспомнив:

- А где госпожа Аустерия?

Старик в углу на мгновение поднял голову, блеснув стеклами очков, а Сияваршан потер подбородок:

- Думаю, Близар отправлял ее по делам...

Входная дверь хлопнула, и по коридору кто-то быстро простучал каблуками – легко, как будто пританцовывая.

Точно не похоже на призрака. А в следующее мгновение в кухню, подобно порыву свежего ветра, ворвалась красавица, которую я видела вчера, целующей Близара.

Она обвела нас задорным взглядом, заметила меня, хихикнула и весело сказала:

- Здравствуй, Бефана Антонелли! Ну что, когда свадьба?

Глава 9

Это была откровенная издевка, и я промолчала. Но красавица и не ждала ответа. Она расстегнула шубу, сняла платок и шапку и бросила все на колени Фаларису, но смотрела на меня:

- Развесь одежду, будь добра. И сапоги поставь к печке, чтобы были теплыми.

Я медленно поднялась, в то время как Сияваршан притащил откуда-то мягкие домашние туфли, опушенные мехом. Красавица привычно надела их и улыбнулась мне, вот только улыбка ее ничем не отличалась от улыбки моей мачехи.

- Принеси горячего кофе, - сказала она. – И Николасу тоже. Ему еще тартинки с сыром, а мне – шоколадных конфет.

Она исчезла в темноте коридора, а потом заскрипели ступени лестницы, ведущей наверх.

- Не принимай близко к сердцу, - тут же оказался рядом Сиваршан. – С этой ведьмой лучше не связываться. Я сам займусь ее сапогами, старикан развесит одежду, но ты все-таки отнеси им кофе. Вдруг еще Близару пожалуется.

Духи в одно мгновение выполнили указания красавицы, поставили на поднос кофейник, чашки и блюдца с тартинками и конфетами, и Сиваршан всучил поднос мне.

- Они в кабинете у Близарчика, - сказал призрак мне на ухо. – Главное, не обращай внимания на Эрну, она та еще

штучка.

Это было унижительно – подносить колдуну и его возлюбленной. Я уже заготовила гневную речь, чтобы объяснить, что я не прислуга в замке, но все слова забылись, едва я заглянула в комнату через приоткрытую дверь.

Здесь пылал камин, в кресле удобно устроился колдун, распахнув на груди рубашку, а на нем сидела красавица, которую призрак называл Эрной, и на ней был... только халат колдуна. Когда она успела раздеться?!

Близар заложил руки за голову и с усмешкой слушал болтовню женщины, а она щебетала, щебетала и одновременно оглаживала его грудь неторопливыми, чувственными движениями.

- ...сначала я ее не узнала! Помнишь, какая она была в пансионе? Тошная, как щепка! А тут! Толстуха! В три объхвата! – Эрна весело рассмеялась, и Близар тоже хмыкнул. – И она говорит мне: я придворная магиня графини Брауншвейгской! А я ей: да какая из тебя магиня, ты же простейшего заклинания выучить не могла!..

Эта картина произвела огромное впечатление. Я стояла на пороге, не в силах отвести глаз, а эти двое совсем не замечали меня, увлеченные друг другом. И я вдруг почувствовала, что они очень похожи – во всяком случае, понимают друг друга с полуслова, и это... вызывало зависть. Да, самую настоящую зависть.

Поставив поднос на стол, я постаралась уйти так же неза-

метно, как пришла, но Эрна вдруг окликнула меня:

- Эй, Бефана Антонелли!

Мне ничего не оставалось, как обернуться.

Теперь они оба смотрели на меня, и если Эрна улыбалась, то колдун, наоборот, нахмурился.

- Ты мои сапоги к печи поставила? – спросила красавица, без малейшего стеснения продолжая оглаживать графа.

Я кивнула и хотела уйти, но она снова окликнула меня:

- Послушай, еще не в службу, а в дружбу: принеси грелку в спальню, согрей простыни. От этих духов-остолопов никакого тепла. После них в постель ложишься, как в снежный сугроб. Спальня на третьем этаже, девятая слева по коридору. Все, свободна, - и она обернулась к Близару. – А она такая: ты что! я на третий год обучения овладела Большим Заклинанием Трисмегиста!.. Представляешь?! Она – Большим Заклинанием! Да все помнят, как она хотела заколдовать лягушку, а заколдовала парик госпожи Глюштайер – вот была потеха!

Ее заливистый смех все еще слышался под сводами замка, пока я спускалась в кухню. Призраки сидели там – все четверо. Дама Аустерия устроилась прямо на печке, и ее волосы оплели половину кухни, шевелясь и обвиваясь вокруг ножек стола.

Я вошла, и духи сразу посмотрели на меня. Посмотрели выжидающе, ничего не спрашивая.

- Она сказала согреть постель, - сказала я, словно извиня-

ясь. – Но я не прислуга...

Сияваршан и Аустерия переглянулись, и даже белый кот притих, забравшись в стеклянный кувшин – словно в кувшин налили молока, только хвост торчал наружу.

Фаларис сделал вид, что дремлет, хотя я заметила, что он поглядывает поверх очков.

- А что сказал Близар? – спросил Сияваршан.

- Ничего...

Они опять переглянулись.

- Тогда тебе, крошка, лучше послушаться, - посоветовал дух. – Если бы Близар был против этого, он так бы и сказал.

- Но я не прислуга! – возразила я уже с отчаянием.

Сияваршан пожал плечами, а дама Аустерия отвернулась, пытаясь смирить свои буйные локоны. В довершение всего, на глаза мне попались две металлические грелки, выложенные на стол.

(так выглядели средневековые грелки)

Значит, духи слышали разговор наверху. И уже все приготавливали.

Не говоря больше ни слова, я взяла эти проклятые грелки и потащила их в спальню.

- Не злись, - примиряющее сказал Сияваршан, отправившийся за мной. Он парил рядом, скользя вдоль лестничных перил, и заискивающе заглядывал мне в лицо. – Но лучше и в самом деле слушаться Близара. Мне совсем не хочется навредить тебе по его приказу, только случись что – я ведь

не смогу отказаться.

- Было бы странно требовать от вас поступать милосердно, если у вашего хозяина вместо сердца – кусок льда, - ответила я резко.

Призрак немного поотстал, но вскоре снова меня догнал и предложил:

- Давай понесу грелки?

- Спасибо, справлюсь сама.

Проходя второй этаж, я заметила, что дверь в кабинет была уже закрыта. Можно догадаться, чем там занимаются колдун и его высокомерная красотка. Интересно, а она знает, как ее дорогой развлекался днем? С госпожой Аделаидой?

- Они вместе учились – Близар и Эрна, - заговорил Сияваршан, перехватив мой взгляд в сторону кабинета. – И много работали вместе, они очень близки. Недавно Эрна была назначена третьей магией при короле. Она послабее Близара, конечно, гораздо слабее, но у нее хорошие задатки, пойдет далеко. Так что лучше и ей не прекословить.

- Вижу я, как они вместе работают.

Призрак хмыкнул и посмотрел на меня игриво:

- Она в Близарчика как клешнями вцепилась, а ей трудно отказать. Но они славно смотрятся вместе, не находишь?

Это был удар по больному.

Я ведь не прислуга! Моя мать была дочерью барона! Мне хватило каминов в отцовском доме! Можно подумать, в замке Близаров решили продолжить дело моей мачехи!.. Я рас-

травляла обиды, но это мало помогало, и печали было больше, чем злости. Собственно, и злости-то не было, только грусть и усталость.

И самое главное – дело было вовсе не в каминах и не в грелках. Перед глазами так и стояла эта картина – женщина весело что-то рассказывает, мужчина благосклонно ее слушает, а в камине пылает огонь. И я могла бы весело смеяться, а Роланд бы слушал... Стоп! А почему – могла бы? Так и будет. Непременно. Несмотря на козни мачехи, и колдуна.

Третий этаж, девятая слева комната...

Не обращая внимания на болтовню духа, я открыла двери и оказалась в самой роскошной спальне, которую только можно было вообразить.

Стены обтянуты светлым шелком, мебель из светлого дерева, толстый ковер на полу, а посередине – огромная кровать под балдахином. В такой кровати можно потеряться! Я обошла ее, оглядывая со всех сторон и зажав грелки под мышками. Перина была такой толщины, что к кровати приставлялась лесенка. Привстав на цыпочки, я отодвинула краешек балдахина и заглянула внутрь. Покрывало и подушки были белоснежные, как лебяжий пух. Наверное, и королю не стыдно спать в такой постели.

- Душечка, - окликнул меня Сияваршан, - они скоро придут.

Я опомнилась и принялась нагребать угли, заполняя грелку, а вторую поставила на решетку жаровни, но так и про-

должала смотреть на постель. Мне вспомнилось, как Майса говорила о девушке, которая рассказывала про постель Близара. И в самом деле – такая постель поразит любое воображение! И здесь он предается разврату!.. Какой ужас!..

Но испытывать ужас не получалось, хотя я внушала себе, что это очень, очень безнравственно, но все равно продолжала тарашиться, как зачарованная, на толстую перину.

- Нравится? – спросил Сияваршан, подкатываясь со стороны. – В жизни людей есть свои прелести.

- Вот именно, - ответила я, сразу же переводя взгляд на жаровню. – Прелести.

- Тебе неприятно? – приставал с расспросами призрак. – Ты же собиралась замуж за Близара?

- Вам показалось, - я со стуком захлопнула грелку. – У меня есть жених, и если бы не глупая болтовня вашего хозяина, я бы уже давно и счастливо была замужем. Не за Близаром.

Тут я погрешила против истины – в любом случае, свадьба так быстро не состоялась бы. Месяц, возможно – да. Но знать об этом слугам колдуна не полагалось. Я поднялась по лесенке, сунула грелку под покрывало, посмотрела вниз и полюбопытствовала:

- А с кровати он у вас ни разу не падал?

- Пока нет, - Сияваршан обрадовался шутке и повис на балдахине вверх ногами, как огромная белая летучая мышь.

- Все бывает впервые, - заметила я философски и спустилась, чтобы наполнить вторую грелку. Пока я воевала с уг-

лями, Сияваршан наблюдал за мной очень внимательно.

- Ты и правда ничего не хочешь от Близара? – спросил он.

- Хочу, - призналась я. – Расписку, что он отказывается от меня. Но готова сбежать и без расписки, если честно.

- Сбежать? – вздохнул он. – Наивное дитя... Отсюда не сбежишь.

- Только из-за вас, - теперь и я посмотрела на него очень внимательно. – Близар без вас – обыкновенный человек. Если вы перестанете ему подчиняться, то что он сделает?

Эта мысль поразила призрака, потому что он замер, раскрыв рот, а потом засмеялся и погрозил мне пальцем:

- Ты на бунт подбиваешь? Хитрая крошка! Но ты заблуждаешься...

- Так что он сделает? – продолжала я напористо. – Ногами затопает? Или побежит жаловаться королю?

Призрак скользнул по пологую, по полу и очутился рядом со мной, улегшись и задумчиво подперев голову.

- Послушай, ты бы оставила эти опасные речи... - начал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.